

Nyctalus

Anno 1999

Nyctalus

Anno 1999 — С: Народный перевод Гарри Поттера, 2005. — 46с.

ISBN not allocated

Harry Potter, names, characters and related indicia are copyright and trademark of Warner Bros.™ 2000. Harry Potter publishing rights copyright J.K Rowling, 1997. Based on the J.K Rowling book series. English title: Anno 1999.

This book in part or in whole can not be sold, purchased, rented or distributed on any other commercial basis.

Это произведение написано по мотивам серии книг Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере. Данная книга, частично или полностью, может распространяться только бесплатно. Купля-продажа и возмездный прокат запрещены.

Не ограничения по возрасту.

© Nyctalus, nyctalus@yandex.ru, 2005.

© Оформление. Народный перевод Гарри Поттера, 2005.

Впервые опубликовано онлайн в 2005 году.

Редактор: Амели

Корректор: Simonetta

© Вёрстка. Ombro, 2005

Народный перевод Гарри Поттера

www.honeyduke.com или www.yarik.com (официальное зеркало)

Электронная почта: mail@yarik.com

Пролог, в котором в Хогвартсе снова сменяется преподаватель защиты от темных сил.

А без света нет ночи,
Без ночи — рассвета...
В. Долина

Я отхлебнул еще глоток чая и снова взглянул на письмо:
«Северус, я скучаю, вспоминая теплое прикосновение Вашей руки. Это было так давно — годы назад...»

Мысленно возвращаясь к прошлым событиям в Хогвартсе, я отвлекся от чтения.

То первое сентября внешне мало отличалось от десятков предыдущих. Суета подготовки к приезду учеников успокоилась накануне. Замок замер на целый день, как кот перед прыжком. Последние часы тишины, последнее летнее тепло на старых камнях, последние кузнечики в уже желтеющей траве.

Впрочем, некоторых отличий все же нельзя было не заметить. Преподаватели Хогвартса были несколько растеряны: в мире теперь не хватало одного... скажем, одного человека. Сами знаете, кого. Его даже так называть перестали, вспомнили, что у него есть аж два имени и пара «титолов». Постепенно стихал траур по погибшим, только их близкие друзья и родные все еще носили что-нибудь черное в своей одежде. Схлынули удивление, ликование, облегчение, умиротворение — и стало как-то непривычно. Стало совершенно непонятно, что теперь нужно делать. С кем воевать? Кому противостоять? От кого оберегать детей? За кого бояться? И какого радостного события ждать впереди? Похоже, Дамблдор быстрее остальных адаптировался к ситуации. Вероятно, сказывался опыт победы над Гриндельвальдом.

Но жизнь, чуть тревожная и непривычная, текла дальше. Был первый день первого учебного года без Темного Лорда. И сгущающиеся сумерки напоминали Хагриду о том, что ему пора запрягать тестралов и готовить лодки; МакГонагалл — что пора смахнуть пыль со старого табурета и вытрусить Шляпу; Дамблдору — что неплохо бы написать речь, хотя бы слов из четырех-пяти; а всем остальным — что у них остается не так уж много времени на приведение себя в порядок.

Вскоре ученики начали заполнять Большой зал, и тишина оказалась забытой старым замком на ближайшие десять месяцев.

Стульев за преподавательским столом стало меньше — и это слишком сильно бросалось в глаза.. Если раньше место профессора Трелони пустовало только потому, что восторженная прорицательница редко покидала свою башню, то после ее гибели стул попросту убрали: кентавр Фиренз вряд ли уместился бы за столом, взбреди ему в голову хоть раз присоединиться к общей трапезе. Трелони было жалко: простодушная до глупости женщина и представить себе не могла, насколько важным станет ее предсказание о Темном Лорде и как дорого придется ей заплатить за неспособность вспомнить хоть что-то из своих настоящих предсказаний.

Я пребывал в противоречивом состоянии: начинающийся год сильно отличался от предыдущих. Многолетняя борьба закончилась, мои заслуги наконец-то признали открыто — и теперь я стал просто преподавателем, не более. Мой факультет утратил свою зловещую репутацию — и приобрел славу «проигравшей стороны», а также сомнительно ценное право на сочувствие и жалость. Я занял должность, к которой всегда стремился, — но в качестве дополнительной нагрузки к своим и без того многочисленным обязанностям. И было совершенно непонятно, радоваться или горевать по поводу того, что курс по защите от темных сил достался мне не насовсем, а только до тех пор, пока школа не найдет постоянного преподавателя. Спасибо Мерлину, хоть не навязали маггловедение — старый профессор собрался уходить, директор еле уговорил его поработать еще хотя бы семестр.

А я ведь, кстати, — мужчина, и еще молодой... Пожалуй, надо начинать наконец нормально жить. Только вот вспомнить бы, как это делается... [© Сохатый]

Я оглядел наполненный учениками зал, понаблюдал несколько минут за первокурсниками, ожидающими Сортировки, скользнул глазами по коллегам, по столу своего факультета — и вдруг

отчетливо понял, что преподавать защиту от темных сил я хотел лет пятнадцать назад. Или двадцать. А сейчас не имею с этим желанием ничего общего. Я просто устал.

Их было четверо в те времена, когда
Еще решала дружба все на свете,
Лишь словом звали дождь и гнали ветер
И лишь отвагой брали города.

Когда душа, надеждою полна,
В поход рвалась за птицей ярко-синей
И, воротясь, ту птицу приносила
Домой — к любимой, ждущей у окна...

Шляпа, вероятно, подустав за многие века сочинять все новые и новые песни, изменила своему обыкновению и рассказывала старинное предание о постройке Хогвартса вместо традиционных кое-как зарифмованных куплетов.

...Когда, случайно слово уронив,
Ему остались бы верны навеки,
Пусть даже вспять все обернулись реки,
Пусть даже солнце стало б вороным...

Тогда они на солнечном холме,
У озера, чья глубина иссиня,
У леса, чьих ветвей не трогал иней,
Воздвигли замок скал морских прочней.

В нем подземелий холод и покой
Хранили долгий зимний сон до весен;
А башни ввысь тянулись, словно сосен
Вершины над играющей рекой...

Зал заинтересованно слушал, и только мадам Пинс согласно кивала головой каждой строфе, вероятно, вспоминая и повторяя про себя знакомые слова.

Цвета факультетов на флагах и лентах соединялись в сложный и богатый узор, более всего похожий на убранство октябрьского леса. Горящие свечи плавали в воздухе, играя бликами то на одном, то на другом листе.

...Одна горела золотом, огнем,
Костров весенних смелостью и страстью;
Другая неба глубиной и властью
Звала в полет и знала все о нем;

А третья — в золотистой желтизне
Янтарных лоз, садов ветвей тяжелых —
Учила, что долготерпенья школа
Всех прочих школ надежней и сильней.

Века ушли в небытие и Лету,
Сменялись листопады и капели,
Шептали голоса, клинки звенели,
А сумерки все спорили с рассветом...

Я расправил плечи и поднял голову. Сидящая на другом конце стола Минерва МакГонагалл сделала то же самое. Предание близилось к концу, и она стряхивала наваянное им дремотное умиротворение, готовясь вновь заняться первокурсниками.

...И вот весна всей пылкостью костров
И шумом птиц, и песней пробужденья —
Не признавая умиротворенье
И холод — отеклась от зимних снов.

А знойное цветенье и листва —
Не веря в смех и шепот листопада,
В богатство веток золотого сада —
Решили с ним не признавать родства.

И зимний холод и покой безмолвный,
Предшествовавшую чураясь осень,
То, что он был родитель многих весен,
Стал отрицать, уверенности полный.

Шляпа умолкла и застыла в ожидании. Испуганные взгляды первокурсников вновь заметались по залу, деканы оживились, пытаясь угадать «своих» в толпе еще не распределенных детей.

МакГонагалл развернула список вновь поступивших:

— Авис, Алиса!

Худенькая девочка с круглыми глазами, пушистыми черными волосами до плеч и немного заостренными чертами лица осторожно подошла к табурету.

— Слизерин! — под столь же осторожные, как и ее походка, аплодисменты девочка побрела к столу своего факультета.

«Точно птенец», — подумал я, оторвавшись наконец от своих размышлений.

Новый учебный год начался.

Глава 1, в которой сердце неприступного профессора дрогнуло.

Судорог да перебоев —
Хватит! Дом себе найму.
М. Цветаева

Нынешняя зима была холодной и солнечной. Выпавший еще в декабре снег так и лежал вот уже не первую неделю пушистым покрывалом, испещренным линиями протоптанных тропинок и расчищенных дорожек. Солнце делало эту белизну яркой и играло бликами на заснеженных крышах замка. И даже Черный лес виделся не таким пугающим, как обычно: казалось, что он сладко и безмятежно спит вместе со всеми своими обитателями. Ночами же тишина и ясность становились пронзительными, и от них делалось как-то не по себе тем немногим, кого темное время суток заставляло вне спален.

В последний день каникул, ближе к вечеру, я шел через холл первого этажа. «Хогвартс Экспресс» недавно прибыл, и мимо меня спешили возвращающиеся в школу ученики. Неподдалеку от входа стояла женщина: стройная фигура, темные глаза, длинные черные вьющиеся волосы, светлая мантия, удачно открывающая ноги гораздо выше обычного, и перекинутый через руку плащ. Она увидела меня и обрадованно улыбнулась:

— Северус! Как хорошо, что вы здесь!

Я удивленно посмотрел на женщину: что-то знакомое в ней было, но кто это такая, я определенно не помнил.

— Я — Вероника Стоун, — ну конечно! Отец был знаком с одними Стоунами, и, кажется, у них была дочь — оба раза, когда я ее видел, все таскала на руках что-то мявчущее серо-рыжее; мать еще хотела подарить ей лазилу, но выяснилось, что эта Вероника обожает обычных маггловских кошек!

— Я только приехала и совсем не знаю, куда мне теперь идти... Надо ли мне сначала зайти к директору?.. Помогите мне, пожалуйста, — манера говорить у нее была очень приятная, женщина казалась обворожительно беспомощной; да и похорошела она сильно с того момента, когда я ее видел последний раз.

И я отступил от своих обычных правил: предложил ей руку.

— Думаю, директора вы увидите за ужином. Вы — наш новый профессор?

— Да, меня пригласили вести маггловедение. Хотя, конечно, я могла бы преподавать и более серьезные предметы, — женщина тихо засмеялась.

Было совершенно очевидно, что она кокетничает. Что ж, отчего бы и нет? Я проводил Стоун до дверей Большого зала и оставил разговаривать с Дамблдором.

Флитвик посмотрел на меня с немым вопросом в глазах. Его давно интересует, почему я не женат, и он, похоже, чего-то ждет при появлении любой женщины. Ни разубеждать, ни обнадеживать его я не собираюсь.

Ученики постепенно заполняли зал. А я таки прилично вымотался за прошедший семестр: даже голоса слышать неприятно. Все же вести сразу два предмета тяжело... Кого-то Дамблдор нашел на этот раз на нашу проклятую должность? Надеюсь, не нового... Вольдеморта? Как вспомню Квирелла!..

Кажется, я замечтался, потому что тишина в зале и голос директора стали для меня неожиданностью:

— ...Я рад снова видеть вас в стенах Хогвартса. Позвольте представить новых преподавателей: маггловедение с этого семестра будет вести профессор Стоун, — приглашающий жест в сторону последней. — А защиту от темных сил — профессор Ковалевски, — тот же жест в сторону еще одной дамы.

Серые глаза, совершенно неопределенный возраст — от двадцати пяти до сорока, в зависимости от ее настроения — или вашего. А в остальном... Вместо мантии — какое-то пестрое платье, вышитое крестиком и мережками, светлые с рыжинкой распущенные волосы, на груди постукивают друг о друга несколько странных кулонов... Ее бы в таком виде в мою лабораторию. Уж я бы просветил ее по поводу техники безопасности! Не попадет своими

кудрями-оборками-кулонами в кислоту, так влезет в огонь или за что-нибудь зацепится! Хорошо, хоть на Лорда не похожа...

Тем временем около стола появилось новое действующее лицо. Вернее — морда: миссис Норрис.

— Кис-кис-кис! Какая милая кошечка! Она здесь живет? — зашебетала Стоун.

— Да, это моя. Совершенно необыкновенная кошка! Я вам, если хотите, много интересного про нее рассказать могу, — гляди-ка, как она быстро к Филчу подход нашла! — Тут, знаете ли, лет пять назад василиск объявился, так она первая его нашла и предупредить всех пыталась! А ведь чуть не погибла!..

Ну, эту чушь я слушать не собираюсь. А то сейчас выяснится, что последние двадцать лет школа стоит только благодаря ходячему скелету по имени миссис Норрис.

Ужин заканчивался. Минерва что-то обсуждает со своим старостой, Флитвик перешептывается со Спраут, а Хагрид — это ж надо, с новоприбывшей, как ее, Ковалевски! Ну и парочка! При ее росте ему придется вчетверо складываться, чтобы посмотреть ей в лицо.

— Профессор Снейп, я вот говорю, что главное — научить детишек руками работать, а всякие там умности они и сами в книжке почитать могут, — так, с каких это пор Хагрид у нас стал экспертом по методике преподавания?

— Послушайте, Хагрид, не несите чепуху! Какими еще руками?

— Ну отчего же чепуху? Я совершенно согласна с профессором Хагридом: понимание и отработка навыка гораздо важнее сухой теории. Или вы не в состоянии уловить и переформулировать чужую мысль? — влезла Ковалевски. — Что молчите?

Сказал бы я вам, мадам... Меня подхватила под руку Стоун:

— Профессор, вы проводите меня до комнаты? Я еще так плохо ориентируюсь в замке!

Так что случился благовидный предлог молча развернуться и уйти от бессмысленной дискуссии.

Мы шли коридорами Хогвартса, моя спутница могла тешить себя иллюзией, что я не замечаю ее намеренно медленной походки и частых остановок. Замок затихал, чтобы завтра с утра зашуметь и загомонить сразу несколькими сотнями голосов, столь громких на переменах и едва слышных у доски. У меня же выпал почти совершенно свободный вечер, и торопиться было некуда: готовиться к занятиям по защите от темных сил уже не надо, а свои планы по зельеделию я давно знаю наизусть.

С новой преподавательницей было приятно идти по длинным замысловатым коридорам, может быть, впервые за много лет чувствуя, что груз ответственности на плечах уже не так тяжел. Что все кончилось... Хотя, ничего ведь и не началось... Но я попытаюсь.

— Мы уже пришли? Заглянете на чашку кофе? — она с надеждой посмотрела на меня.

— Думаю, сегодня — нет, — и я чуть приподнял ее руку, намекая на поцелуй. — Спокойной ночи, профессор.

Она посмотрела с плохо скрываемым сожалением. Действительно заинтересовалась мной или сообразила, что, кроме меня, заигрывать тут особо не с кем: самый молодой из оставшихся — Хагрид? Ну, да он занят — мысленно усмехнувшись по поводу картинки «Хагрид и Ковалевски в романтической обстановке», я двинулся прочь от двери.

Вот ведь, *lupus in fabula*!¹ Ковалевски шла навстречу, встряхивая влажными волосами. На ней так и было это ее пестрое платье.

— Мадам, есть очень хорошие красящие заклятия, если у вас нет возможности купить одежду нормального цвета!

— И вам вечер добрый, профессор! Судя по вашим волосам, сегодня первый раз за месяц есть горячая вода. Спешите, вы еще успеете! Шампунь найдете на полочке... — и она скрылась за поворотом раньше, чем я успел открыть рот.

Ладно, ведьма, завтра разберемся!

Несколькими днями позже я столкнулся с разъяренной МакГонагалл:

— Северус! Что ваши студенты себе позволяют?! Что за бедлам они устроили на занятиях у Хагрида?! Вы обязаны принять меры!

— Минерва, — нарочито спокойно и медленно сказал я, — а почему это так волнует вас? Пусть профессор Хагрид сам следит за дисциплиной, а не прибегает жаловаться.

¹ *Lupus in fabula* — *лат.* букв. «волк из басни» — легок (легка) на помине.

Мимо проходила Стоун, и я отвернулся от МакГонагалл, здороваясь с куда более приятной собеседницей. Так, чтобы Минерва слышала приветливость в моем голосе.

— Я требую, чтобы вы что-то предприняли!

— Ну что вы, профессор МакГонагалл. Было бы странно, если бы профессор Снейп ходил на уроки к профессору Хагриду и успокаивал там студентов, согласитесь, — Стоун говорила очень мягко, с легкой усмешкой.

И крыть гриффиндорскому декану оказалось нечем. Она открыла рот, шумно вздохнула — и закрыла его. Разговор был окончен.

На ближайшем же уроке у своих я заметил:

— У профессора Хагрида такой небольшой опыт преподавания, вам стоило бы вести себя с ним по деликатнее.

Мои — детки умные, они всегда все правильно понимают, от них не ускользнула моя полуулыбка, не замеченная гриффиндорцами. Ох, Мерлин, да что же это?!

— Мистер Криви, что это вы сотворили вместо заданного состава?! Кажется, у вашего варева нет ни одного из признаков правильно приготовленного зелья!

— Но, профессор, я не успел все записать, вы так быстро диктуете... — молчал бы уж, творец...

— Знаете, мистер Криви, профессор Стоун в этих случаях говорит: «Я не буду опускаться до вашего уровня, поднимайтесь вы». Так вот: я с ней полностью согласен, — интересно, она эту фразу сама придумала или где-то слышала? И, кстати: — Минус десять баллов за нерасторопность, мистер Криви.

День складывался откровенно удачно, все получалось само собой и без усилий. За ужином МакГонагалл метала яростные взгляды, но придаться ей было не к чему.

Ужин уже давно начался, когда наконец появилась Ковалевски, пыхтя и задевывая все вокруг своим платьем, пока садилась.

— Мадам, а что, красящее заклятие так и не получилось? Если это столь сложно для вас, я могу дать пару уроков...

— Ах, что вы, не стоит себя утруждать! Вам за эти дни так и не удалось помыть голову? Вода все время заканчивается?

Проклятая МакГонагалл фыркнула так, что услышали ученики в середине зала.

— Профессор, как насчет кофе у меня? — у Стоун просто талант вмешиваться вовремя. — Буду ждать вас в девять.

Меня отвлекли внезапный шум и возня под столом. Зрелище стоило того: по полу бегал неизвестно откуда взявшийся еж (подозреваю, что он удрал от Хагрида), а за ним, сталкиваясь и мешая друг другу, гонялась половина профессоров. Палочки годились разве что на то, чтобы тыкать ими друг в друга, а еж все время благополучно ускользал.

Вдоволь повеселившись и отметив, что у Флитвика наилучшие шансы на успех, я ушел к себе. Я собирался почитать и... пожалуй, принять приглашение Стоун.

Глава 2, в которой только мадам Стоун замечает таинственное письмо профессору Снейпу.

Две неподвижные идеи не могут вместе существовать в нравственной природе, так же, как два тела не могут в физическом мире занимать одно и то же место.

А.С. Пушкин

Профессор ждала меня, переодевшись во что-то миленько-домашнее и хлопоча возле маленького столика. Как оказалось, Стоун знала толк в настоящем кофе: тот, что она разливала по чашкам, был крепким, с ярко выраженной горчинкой и еле слышной сладостью.

— Как вам Хогвартс, вы ведь, кажется, учились в Бельстеке?

— Мне все время чего-то не хватает. Как-то здесь холодно, в отношениях между людьми холодно.

— Вы хотите, чтобы все профессора страстно обнимались при встрече? — я чуть насмешливо приподнял бровь.

— Нет, ну конечно, не все!.. Но *некоторые* могли бы...

Меня всегда забавляла эта игра: сделать вид, что я не замечаю ни одного из множества намеков. Но Стоун, похоже, знала ее правила. Она продолжала делать намеки с тем же невинным видом и «не замечала», что я их «не понимаю». Игра становилась еще занятнее.

И мы играли. Вечер за вечером. Или говорили о новых изобретениях: чарах, заклинаниях, зельях. О новом министре магии и мире после падения Лорда. О студентах и занятиях...

— Скажите, что вы сделали со студентами? Те, кто посещает маггловедение, стали писать намного более логичные и последовательные работы!..

— Ничего особенного, профессор. Просто я сразу даю им правила написания научных работ и требую, чтобы они им следовали, — она смотрела с видом человека, знающего себе цену. — Конечно, мало кому из них это пригодится в дальнейшем, но пока их творчество можно будет хотя бы читать!

Когда-то именно такой я представлял себе будущую миссис Снейп: приятно посмотреть, приятно поговорить, не суется в те дела, которые ее не касаются, а ее родословную можно без опаски демонстрировать гостям... Тогда я завидовал Малфою — ему повезло с Нарциссой.

Ближе к полуночи я поднимался, Стоун провожала меня до двери и, прощаясь, поворачивалась щекой, все больше открывая шею и кусочек плеча. И с тем же постоянством я чуть касался губами ее руки и уходил.

Начинался февраль, и за обильными снегопадами и густыми туманами уже чувствовалось приближение весны. Времени года, которое я никогда не любил. Но в этом году многое менялось, и, пожалуй, начало весны могло быть неплохим поводом продвинуться чуть дальше в наших с профессором Стоун отношениях... Не стоит заставлять ее так долго и тщетно ждать, повернувшись щекой и склонив голову набок. Хотя... Ее шея в вырезе одежды выглядела волнующе.

...И этот вечер был похож на предыдущие: маленький столик, крепкий кофе и очарование интеллектуальной респектабельности профессора. Постепенно Стоун превращалась в Веронику, а я нашел в замке место, где можно было быть просто Северусом, а не преподавателем, деканом или соратником в борьбе.

— Что привело вас в Хогвартс?

— Дамблдор срочно искал преподавателя маггловедения, я подумала, что это может быть интересно, пошла к министру и попросила меня рекомендовать — вы ведь знаете, отец был с ним знаком.... Но я не думаю, что это серьезный предмет, просто остальные вакансии были уже заняты...

Что-то обсуждая, я ходил по комнате с чашкой в руках. А вернувшись в кресло, хватился ее и взмахнул палочкой в направлении каминной полки:

— Accio!

Чашка поднялась, медленно двинулась ко мне, на мгновение зависла в воздухе... А потом вдруг разлетелась облачком брызг и осколков над креслом Вероники. Она вскрикнула. Горячий кофе темным пятном расплывался по тонкой светлой ткани домашней мантии.

Я быстро отдернул подол с колен женщины: на бедре уже намечался ожог.

— Простите, — я торопливо стер остатки кофе с ее кожи и протер ожог очень кстати завалявшимся в кармане заживляющим составом.

И Вероника уже улыбалась, пока я чистил ее мантию, восстанавливал чашку и убирал прочие последствия инцидента. А я все поглядывал на ее ножки, соблазнительно открываемые все еще сдвинутыми полами одежды.

На прощание Вероника, следуя обычному ритуалу, склонила голову набок. И я коснулся губами мягкой кожи ее щеки. Ее волосы пахли мелиссой.

— Спокойной вам ночи, профессор.

Вероятно, я отвлекся, произнося заклинание — были ли тому виной пальцы Вероники, медленно обводящие кромку чашки? — и палочка дрогнула в руке. Но результат, да простит мне мадам Стоун, оказался куда лучше, чем буднично плывущая в руки чашка кофе...

Только отойдя от дверей, я наткнулся на троицу гриффиндорцев:

— Колин, выслеживать некрасиво! А от тебя, Деннис, я такого и вовсе не ждала!

— Успокойся, Джинни. Надо же выяснить, чего это к ней зачастил Снейп! Хотя, понять можно — выглядит она классно... — меня они заметили довольно поздно.

— Кажется, вы давно должны находиться в своей спальне? Или правила писаны не для гриффиндорцев? — я знаю, что в такие моменты мой голос напоминает скорее шипение. — Минус двадцать баллов за нарушение школьных правил и десять — за неуважение к преподавателю. С каждого.

Никуда не денешься от этого проклятого факультета! Но, что таить, — повышенное внимание к женщине, которую я считал своей, льстило.

После завтрака ко мне подошла мадам Помфри:

— Профессор, мне нужно зелье с отбеливающими свойствами.

— Для чего?

— Для кожи. Вчера гриффиндорцы тренировались в хахачарах, и у одного из них вместо нужных чар получилось возвратное красящее заклятие. Бедный ребенок, все пальцы синие — и расстроен невероятно! Хоть смейся, хоть плачь.

Я кивнул, с трудом сдерживая смех: это ж надо быть такими тупыми и неуклюжими, чтобы перепутать хахачары с красящим заклинанием! Да еще и с направлением ошибиться на сто восемьдесят градусов! Интересно, Минерва в курсе «подвигов» своих любимчиков?

Рядом возникла Ковалевски:

— Профессор, вам не говорили, что черный вам не идет? Вот что-нибудь желто-серенькое было бы очень мило. Под цвет лица... Вы хвастались, что и сами с красящим заклятием справитесь — или вам помочь?

— Мадам Ковалевски, — медленно, так, чтобы шипение в голосе было хорошо слышно, — у вас ко мне есть какое-то дело? Кроме глупых высказываний?

— Знаете, а черных змей не бывает. Вы или шипеть перестаньте, или мантию все же придется сменить! — она смотрит на меня с таким весельем, что я начинаю кое-что понимать: она просто играет.

— Представьте себе, я с утра видел одну — в зеркале, — нет, дорогуша, обыграть меня не так-то просто: быстрого ответа ей в голову не пришло, а секундой позже я уже развернулся и ушел.

Черных змей не бывает? Теперь уже — нет. Та, которую я каждый день вижу на своей руке, поблекла... и никуда не делась. Только это кого попало не касается!

Послеобеденный урок у Хаффляпфа и Равенкло был посвящен обесцвечивающему зелью. Непоседливые хаффляпфы за третьей партой создали очередное сомнительное варево вместо нормального зелья.

— И что же это у вас вышло? Уж явно не то, что я задавал! — я взмахнул палочкой, опустошая котел...

Варево волной поднялось со дна посуды, приняло в воздухе форму большой медузы — и с размаху шлепнулось на головы незадачливых авторов...

Ш-Ш-ШМЯК!

Я даже не стал снимать баллы — горе-зельдеды были похожи на двух котят, во время игры опрокинувших на себя миску с водой. Никакими магическими свойствами их творение, слава Мерлину, не обладало, так что они были просто испуганными, мокрыми и жалкими. Знал бы я, как это у меня вышло, непременно пользовался бы и впредь.

Вероятно, я стал хуже контролировать себя — вот и прорывается неосознанное колдовство. Плохо, надо бы последить за собой... Этот вывод подтвердился днем позже.

С утра незнакомая сова, скорее всего — из почтовой службы, принесла мне письмо в плотном, выделяющемся цветом и оформлением конверте. Я давно ждал этого письма, но читать при всех за завтраком не собирался — согнал какие-либо признаки эмоций с лица и занялся едой.

— Северус, это важное письмо, да? — Вероника склонилась ко мне.

Плохо, совсем плохо. Отсутствие постоянной опасности сделало меня небрежным: то я выплескиваю котлы и чашки, то позволяю посторонним читать мое настроение!

Я извинился и вышел, проигнорировав вопрос Стоун. Насколько письмо важное, я узнаю, только прочтя его.

Известие оказалось очень приятным. Долгие переговоры закончились устраивающим меня соглашением. Дело требовало от меня много времени и сил, но, однако же, того стоило.

Вторую половину дня профессор Стоун проводила в библиотеке. Ее стол был похож на рабочий стол МакГонагалл или Грейнджер, в бытность ее учебы в Хогвартсе: женщина еле угадывалась за грудой книг, свитков и конспектов. Насколько я знал, так она готовилась ко всем своим занятиям.

— А, профессор, послушайте, у меня тут возникла такая идея, я бы хотела с вами посоветоваться... Я так слышала, что Ковалевски интересуется всякими сомнительными учениями и втягивает в них студентов...

— Да? Это вопросы к директору, подбор преподавателей — его дело.

— Конечно, но я вот подумала... Можно было бы организовать для студентов семинар, пригласить туда Ковалевски — и развенчать все эти бредни. Как вы смотрите? — в ее голосе снова появилась все та же обворожительная беспомощность. — Вы можете мне?

— Думаю, это можно устроить. Я поговорю с Минервой. Какие темы вы планируете? — ох, не стоило Ковалевски играть со мной!

— Ну, я думаю, первые две темы — «Разграничение темной и светлой магии» и «Суеверия и ложные представления о магии». Так пойдет?

Уговорить Минерву организовать дополнительное учебное мероприятие никогда не составляло особенного труда. И вскоре приглашать Ковалевски стало ее задачей. Стоун же заручилась моим обещанием участвовать: «Это ведь вы здесь лучший специалист по защите от темной магии!», — лесть, конечно, но от привлекательной женщины — приятно.

Теперь мы чаще встречались с Вероникой в течение дня: оба проводили свободные часы в библиотеке, работая каждый над своей задачей и изредка перебрасываясь замечаниями и комментариями по поводу прочитанного. Вероника штудировала литературу из закрытого фонда, готовясь к организованному ей семинару. Посвящать ее в то, насколько я знаком с темной магией, я не стал — не такие у нас отношения. Женщина — не друг и не враг, чтобы быть с ней откровенным. Это можно, к примеру, с МакГонагалл — не припомню, чтобы она вообще когда-либо напоминала мне женщину, просто какой-то стойкий оловянный солдатик. Скорее всего, у Вероники были какие-то обрывочные представления о традициях нашей семьи; но сейчас о Черной Метке на моей руке никто не говорил, а потому представлениям так и придется остаться обрывочными.

«Разграничение темной и светлой магии» мы собирались обсуждать в следующую пятницу после ужина.

...Стулья в отведенной для семинара аудитории расставили полукругом, а парты убрали. Студентов собралось человек тридцать пять, и факультеты были представлены все. Наши со Стоун кресла стояли напротив кресла Ковалевски: «Стоун&Снейп vs Ковалевски»¹, — незримо читалось над ними. Вероника была в своей обычной короткой светлой мантии, профессор защиты от темных сил — в не менее обычном для нее пестром платье, так что я смотрелся на их фоне большим черным пятном, тушью, пролитой на книгу с картинками.

¹ vs — *лат.* сокр. «versus» — против.

— А-а, я поняла! Вы с профессором Стоун будете изображать темную и светлую магию, а я — вас разграничивать!.. — радостно воскликнула Ковалевски, но ее перебила Стоун, требуя внимания.

Вероника вела мероприятие, а мы с Ковалевски сидели в сторонке, изображая приглашенных экспертов. Только-только закончившаяся война коснулась многих, и три факультета единым фронтом выступали за категорический запрет на использование темной магии. Я обратил внимание на Уизли: ее семья потеряла двоих, и печаль не уходила с лица девушки почти никогда. Рональд, насколько я понял, был ее любимым братом, а Персиваль... Он погиб как-то случайно, и его смерть не оправдывали никакие цель или достижение...

Горячий спор разворачивался, главным образом, вокруг того, какие заклинания следует отнести к запрещенным. Слизеринцы отмалчивались: война не обошла их семьи, но большинство были по другую сторону. Вдруг с задних рядов потянулась тоненькая рука — моя Авис пыталась привлечь к себе внимание:

— А профессор Ковалевски говорит, что главное — не заклинания, а цель...

Аудитория затихла и уставилась на профессора.

— Да, я считаю, что не в форме использования, а в цели состоит главное различие между темной и светлой магией. Любое заклинание может быть использовано и с добрыми, и со злыми намерениями. К примеру, обычным «*wingardium leviosa*» можно воспользоваться не хуже, чем «авадой»...

Что-то в ее словах было, я криво усмехнулся, вспомнив Поттера и Уизли над поверженным троллем. Но игра есть игра, не я ее начал. Я немного сдвинул вверх левый рукав своей мантии, так, чтобы это видела только Ковалевски, а потом вернул его на прежнее место и невинно поинтересовался:

— Профессор, скажите, а какое из непростительных проклятий вы хотели бы опробовать на себе? С благими намерениями?

В повисшей тишине я смотрел на ее лицо: ее реакция была бурной, но даже я не мог определить, что за чувства выражала ее мимика.

— Я подумаю над вашим предложением, — попыталась она оставить последнее слово за собой, но было понятно, что этот спор она уже проиграла.

Даже несмотря на то, что позиция у нее была довольно интересной.

Вечерний кофе с Вероникой превратился в обсуждение нашей «победы».

— Лихо вы ее! Вы сказали ей что-то еще, чего остальные не слышали?

— Да нет, — ответил я чистую правду.

Только кое-что показал, но Стоун знать об этом не обязательно.

Февраль заканчивался, воздух постепенно теплел, день становился длиннее, а солнце — все приветливее. Говорили, что профессор по защите от темных сил перенесла свои занятия на улицу. И однажды, выйдя во двор в середине дня, я увидел группу студентов, столпившихся вокруг мадам Ковалевски. Последние островки снега в этом месте были убраны, вероятно, каким-то из согревающих заклинаний, на обнажившейся земле виднелась пробивающаяся молоденькая травка. Профессор в центре круга, образованного горящими кострами, обрабатывала с учениками какие-то жесты. В ее руках не было даже намек на палочку, и она стояла на земле... босиком! Я подошел ближе:

— Добрый день, профессор! Вы что, решили заняться закаливанием?

— Нет, я объясняю студентам, что без обуви они имеют значительное преимущество по сравнению с обутом противником.

— Вот как? И почему же?

— Лучше координация, устойчивость, более быстрая реакция, — она пожала плечами, как будто объясняла само собой разумеющиеся вещи.

— Думаю, что туфли уж никак не снижают скорость моей реакции. Хотите проверить?

Она резко взмахнула палочкой, посылая в меня стандартные для такого случая хахачары. Разумеется, я успел увернуться задолго до того, как заклинание достигло места, где я стоял.

— Профессор, позвольте полюбопытствовать: сколько лет прошло с тех пор, как вы впервые одели туфли?

— Лет сорок, — удивился я бессмысленности вопроса.

— Ну вот, — обратилась Ковалевски к студентам, — через сорок лет вы будете двигаться в обуви так же хорошо, как профессор Снейп... Спасибо за демонстрацию, профессор!

Она отвернулась к детям, давая понять, что наш разговор окончен.

На следующее утро Дамблдор появился в Большом зале встревоженный и потерянный. Взгляд директора метался по залу, но не было оснований считать, что профессор хоть что-то замечал. Он держался поближе к МакГонагалл и время от времени останавливался глазами на ней, ища поддержки, но гриффиндорский декан выглядела не лучше директора.

— Что-то случилось? — поинтересовался я у нее, когда мы все же сели за стол.

— Фоукс пропал, — почти со слезами в голосе ответила Минерва.

Известие было ошарашивающим, и на лицах моих коллег читался весь спектр эмоций — тревога, испуг, недоумение... Хагрид смотрел на директора глазами изумленного и расстроенного ребенка. Стоун сообразила, что случилось что-то нехорошее, но ей трудно было понять всю серьезность ситуации. Только члены Ордена Феникса знали, насколько важна эта птица — этот бессмертный символ возрождающейся несмотря ни на что надежды.

А вот Ковалевски не выглядела ни удивленной, ни расстроенной — спокойно ела свою овсянку, болтая под столом ногой. Похоже, пропажа феникса не только не взволновала ее, но даже не стала неожиданностью. Профессор посмотрела на меня и улыбнулась одними глазами.

Глава 3, в которой профессор Снейп решает отравить мадам Ковалевски.

А я вам говорю, что хорошая война оправдывает всякое дело.

Ф. Ницше

Прошло уже больше недели, а Фоукс так и не появился. Директор, кажется, начал справляться с потрясением, но все остальные все еще ходили под впечатлением от случившегося. Ученики же пока оставались в неведении.

На сегодняшний вечер был назначен наш со Стоун очередной семинар. Готовясь к нему, Вероника бурно обсуждала прочитанную ею литературу и с возмущением говорила о том, что чуть ли не половина заклинаний, описанных в старых книгах, — суеверие и надувательство. Я спорить не стал — старинная магия никогда не была моим коньком. Мы по-прежнему встречались вечерами за чашкой кофе. И изредка я думал о том, что в Хогвартсе может появиться «вторая миссис» (ее уже начинали называть так за глаза). Первой, разумеется, была миссис Норрис.

Студентов сегодня пришло больше, чем в прошлый раз. Профессор Стоун снова взяла на себя роль ведущей, но теперь быть экспертом предстояло, похоже, только мне: Ковалевски была предназначена в официальные оппоненты. После своего вступительного слова и ответной речи Ковалевски, Вероника пригласила к обсуждению учеников:

— А некоторые старые приметы работают! — горячилась Уизли.

— Ага, если дорогу перебежала кошка по имени миссис Норрис — жди беды! — усмехались хаффльпаффы.

— А как же тогда отличить, что работает, а что — нет? — обеспокоено интересовался мой первокурсник Найф, отличительной чертой которого всегда было стремление знать, что правильно, а что ложно.

— Профессор Ковалевски, вы так увлекаетесь всеми этими «старинными» обрядами, действенность которых не подтверждена никем и ничем, — вы можете привести какие-нибудь доказательства в их защиту?

— Целый ряд исследователей работает над описанием старых магических приемов, если хотите, я подготовлю для вас список литературы... А вот подтвердить их действенность на месте, боюсь, будет сложно — не с кем бороться, — профессор беспомощно усмехнулась и развела руками.

И ошиблась. Прямо над ней завис Дрюзг, радостно сжимающий в руках приличных размеров бутылку с чернилами. Момент, когда он появился в аудитории, никто не заметил, но теперь злобного полтергейста видели все. А он, похоже, раздумывал: вылить ли ему чернила на Ковалевски или скинуть вместе с бутылкой?

Несколько человек бросились было ей на помощь, но Стоун остановила их:

— Ну что же вы молчите, профессор?

Ковалевски оценивающе взглянула на Дрюзга, медленно сняла с шеи один из своих кулонов, зажала его в ладони, сделала кругообразное движение и, закрывшись скрещенными руками, крикнула:

— Чур меня!¹

Дрюзг испуганно отшатнулся, на его лице появилось обиженное выражение, он злобно потряс бутылку и скрылся за дверью.

— Вот так и работают эти самые суеверия, — весело сообщила Ковалевски.

Во мне проснулся неподдельный интерес, и я плюнул на наше со Стоун союзничество — переживет.

— Как вы это делаете?

¹ Чур (щур) — предок, пращур. Восклицание равносильно просьбе о помощи предков.

— Приходите ко мне на уроки — узнаете. Можете даже туфли не снимать, — она фыркнула и добавила уже серьезно: — Дрюзг только что познакомился с моими пра-пра-пращурками. Ему не понравилось.

Теперь счет был ничейный, и вечером за кофе я утешал жалобно и обиженно глядящую на меня Веронику. Ну стало мне интересно про Дрюзга — неужели стоит из-за этого так расстраиваться? Знал бы — не спрашивал бы при ней...

Она наконец отвлеклась от сетований по поводу «проклятой ведьмы», под которой имелась в виду преподаватель защиты от темных сил и спросила:

— Северус, а все-таки, что было в том письме? Мне ведь интересно!

— Один журнал заказал мне цикл статей по зельеделию. Вот, пишу, потому-то мы и стали так часто встречаться в библиотеке.

Тема была редкая и интересная: зелья на основе растительного сырья, приготовленные без использования магии. Но объяснять Веронике тонкости не стоило — они представляли интерес только для специалистов. А сказать, что очень рад этому заказу, мне не позволяла гордость. Хотя... В этой области я оказался одним из лучших специалистов во всей Британии. Это приятно грело душу.

— Да? — восхищенно переспросила она.

— Да, — подтвердил я и подумал, что она, возможно, и могла бы понять мою радость.

Прощание в дверях, поцелуй в щеку — все было неизменно, как процент способных к зельеделию учеников. Только руку я теперь держал на ее талии.

Возвращаясь к себе, я долго не мог открыть дверь — раз за разом заклинание не срабатывало. Я, конечно, могу предположить, что разговор с Вероникой нарушил мою обычную концентрацию, но какая, скажите, концентрация нужна для открывания двери?

А на завтра меня поймал Хагрид:

— Профессор, тут это, такое дело... Я вашим ребятишкам поручил корм для скучечервей приготовить, а у них ни одно заклинание не выходит... То разобьют что, то совсем что-то непонятное сотворят... Вы бы подумали, что делать-то...

— Понятия не имею, о чем вы говорите. На моих занятиях никаких проблем не возникает. Полагаю, дело в том, чтобы внятно объяснять материал.

Я оставил Хагрида беспомощно разводить руками и ушел. Чуть, конечно. Но что-то меня в этом беспокоило. Вспомнилась чашка, упавшая на колени к Веронике; котел, опрокинутый на хаффльпаффцев; не открывающаяся дверь в мою комнату... Да и спутать хахачары с красящим заклятием вообще-то трудно, даже если ты — гриффиндорец...

Я отогнал от себя мысли о неработающих заклинаниях: пока нет достаточных оснований что-либо подозревать. И кого-либо — тоже. А еще пропавший Фоукс...

Перед уроком ко мне подошла Ковалевски. Она смущенно спросила, могу ли я уделить ей некоторое время, и я завел ее в класс.

— Видите ли, профессор Снейп, я — потомственная деревенская колдунья. В нашей семье девочек не отдают в школу, их учат старшие женщины дома. Моя подготовка в области защиты от темных сил сильно отличается от вашей, от того, что распространено в Британии. И я столкнулась с некоторыми трудностями в преподавании: я не могу достоверно предположить способы нападения. А потому не могу и дать ученикам верную стратегию защиты.

— Ну так чего же вы хотите от меня?

— Я знаю, что вы хороший специалист по защите от темных сил и, — она явно смутилась, — по самой темной магии...

— Мадам, давайте не будем играть в эти игры. Вы прекрасно осведомлены о моей Метке и о том, откуда я знаю темную магию.

Было странно говорить это ей — еле знакомой женщине-иностранке. Мне было девятнадцать, я знал, что меня ждут подвиги и свершения, слава и могущество, любовь прекрасной девушки и уважение друзей. Я знал, что за это нужно бороться, преодолевая все на своем пути, уничтожив свою слабость и набравшись силы. И только раз я услышал: «Иди за мной, если не побоишься, и я приведу тебя к твоей цели». Путь был труден, но я — достаточно силен для того, чтобы научиться не обращать внимания на стоны и мольбы, чтобы забыть о добре и зле как о глупых предрассудках, чтобы отдать свою судьбу — но сохранить свою гордость. Я приближался к первой вехе, отмечающей пройденное расстояние, благодарности за службу и признанию моих достижений — Знаку Мрака. И только достигнув этой высоты, я почувствовал себя обманутым: я получил не награду, а клеймо; не признание достоинств, а место в стаде; не знак отличия,

а средство управления мной впредь. Но на той дороге, по которой я шел, не было ни поворотов, ни возможности остановиться.

Что ей известно о Смертном Знаке — прочла несколько страниц в книжке?

— Ну да, — как ни странно, она вздохнула с облегчением и продолжила уже более уверенно: — Мне нужна ваша помощь, профессор...

— И как же это вы себе видите? Я должен составлять вам учебные планы? Или что? — у меня промелькнули сожаление и досада: так редко встречаются люди, спокойно реагирующие на Смертный Знак — и надо же после этого говорить глупости!

— Нет, вы меня неправильно поняли. Я хочу предложить вам многоэтапную дуэль. Дня на три. Я хочу увидеть стратегию нападающей стороны на практике, — она заметила что-то в моем лице, замолчала и с надеждой посмотрела на меня.

Пока я думал, что ей сказать, класс начал заполняться учениками.

— Не думаю, что это хорошая идея, мадам Ковалевски, — я дал понять, что разговор окончен, и мне пора начинать урок.

— Пожалуйста, подумайте о моей просьбе! Я не требую ответа немедленно, — она скрылась за дверью раньше, чем я успел повторить свой отказ.

Что за бредовые мысли у этой польской куклы?! А ее реакция на Метку впечатляет. МакГонагалл, например, до сих пор нервно вздрагивает, когда ее взгляд падает на случайно завернувшийся рукав...

Вечером я дописывал первую из заказанных мне статей. Мне в руки попал новый журнал, и один материал привлек внимание: большая переводная работа была посвящена использованию травяных сборов в лечении последствий психических травм. Самоуверенный автор утверждал, что подобные зелья не менее эффективны, чем традиционно используемые составы. А в сочетании с рядом заклинаний — и предпочтительны при таких состояниях.

Что-то неуловимо знакомое было в этих фразах. Я быстро пролистнул страницы и нашел фамилию автора. Более невероятную вещь, казалось, трудно себе представить.

«Проф. Анна Ковалевски», — издевалась надо мной подпись.

Я отшвырнул журнал и задумался. Что я помню о многоэтапных дуэлях? Соперники оговаривают, в течение какого времени продолжается дуэль, в начале этого срока используются все средства, кроме открытого боя, заканчивается дуэль поединком. Перед дуэлью стороны принимают решение о том, какой уровень воздействия дозволительно использовать и что засчитывается как поражение...

За завтраком я без лишних слов кивнул Ковалевски:

— Ваши условия?

И получил такой же короткий ответ:

— Я зайду к вам вечером.

Когда я открыл дверь на негромкий стук, она стояла на пороге, слегка побледневшая, и медлила.

— Ну, что же вы? Передумали?

— Конечно, нет, — она встряхнула головой, и ее распущенные волосы взметнулись.

Вошла и, стараясь казаться уверенной, села в кресло рядом с журнальным столиком.

— Так чего же конкретно вы хотите?

— Я полагаю, стандартная дуэль: три дня, чары, зелья, магические существа — на ваше усмотрение. Если доберусь до третьего дня, — она невесело усмехнулась, — поединок. Думаю, ограничения на использование всего, что приводит к необратимым последствиям... Пожалуй, ставить в известность никого не будем?

— Когда засчитываем поражение?

— Когда я окажусь не в состоянии сопротивляться и вынуждена буду прибегнуть к вашей помощи. Ну, или наоборот.

— Серьезные условия. Слушайте, а вы не боитесь?

— А что, не видно? Понятное дело, боюсь, — ее взгляд украдкой скользнул по моей левой руке, — но отступить уже некуда.

Разумеется, отступить ей было куда: я ни на чем не настаивал, и забрать свое предложение она могла в любой момент (хотя поквитаться с этой *зельевладельшей* хотелось бы!), но раз уж она этого не делает...

— Когда?

— Сегодня суббота... Как насчет следующего четверга? Чтобы закончить на выходных?

— Хорошо, в четверг с утра начинаем, — и зачем-то прибавил: — Удачи!

— Спасибо, -дверь закрылась, и я так и не понял, благодарила ли профессор за согласие участвовать в ее затее или за пожелание.

А всего через час я осознал первые последствия своего согласия: у нас с Ковалевски появился общий секрет. И, дабы отвлечься от этой мысли, я ушел пить кофе. Веронике про дуэль я решил не говорить: во-первых, обещал «не ставить в известность никого», а во-вторых — эта дуэль и не стоит того, чтобы о ней рассказывать. И вечерами, возвращаясь от Стоун, стал подбирать яды и прочие составы для предстоящей дуэли, а также противоядия — чтобы результаты не стали необратимыми. Использовать магических существ я не собирался — моя соперница в дружбе с Хагридом, и, уж конечно, знает его монстров лучше, чем я. Придется обходиться зельями и чарами. Насколько я понимаю, она будет по большей части защищаться, предоставляя мне возможность атаковать. По крайней мере, до поединка. Вопрос в том, насколько серьезно стоит готовиться? Вряд ли она окажется сильным противником... Но — на грех и грабли стреляют. Пожалуй, нужно не церемониться с дамочкой. Если что — вся эта затея просто закончится в первый же день.

Уже почти ночью пытался разжечь камин — получилось только с третьего раза, но при том разбил стоящий на столе графин. И как ухитрился? Неужели это все нервы? Впору просить у Ковалевски эту ее *Tinctura Valerianae*². Совсем размяк, Лорда на меня нет!

² *Tinctura Valerianae* — лат. Настойка валерианы

Глава 4, в которой профессор Снейп встречает старого знакомого.

...мы больше не должны испытывать постоянный страх перед зверями, богами и сновидениями.

Ф. Ницше

Вночь со среды на четверг меня разбудил громкий стук в дверь. За стеной слышался какой-то переполох: голоса, крики, беготня. Я накинул мантию и выглянул в коридор — у моих дверей стояла взволнованная МакГонагалл:

— Северус, там неприятности в хаффльпаффской башне. Подойдите, пожалуйста!

«Неприятности» оказались приличным пожаром в коридоре. К тому времени как я пришел, огонь уже потушили, учеников — за исключением виновников происшествия — вернули в спальни, и собравшиеся преподаватели разыскивали обитателей пострадавших картин. Зрелище оставляло желать лучшего: стены, полы и даже потолки обгорели, от живописных полотен остались обломки рам, все вокруг было покрыто сажей. Спасибо Мерлину, ни сами виновники, ни другие студенты не пострадали.

— И как же это вам удалось? — я решил начать расспросы сам, не дожидаясь возвращения Филча и настоящего допроса с пристрастием.

— Мы... мы не знаем... — трое четверокурсников дрожали от волнения.

— Мы вышли в коридор, — начал самый бойкий из них, соображая, что ситуация куда серьезнее, чем нарушение школьных правил. — Там почему-то факелы не горели...

Я удивленно поднял бровь: зачарованные факелы Хогвартса никогда сами по себе не гаснут.

— Да, сэр, погасли все! Мы хотели зажечь хотя бы один...

— ...И тут оно все как вспыхнет! Сразу весь коридор!..

— ...Да, мы пытались потушить, только ничего не получалось, хотя заклинания все были правильные!..

Они заговорили все разом, перебивая друг друга, но суть была уже ясна: эти идиоты умудрились поджечь целый коридор вместо того, чтобы зажечь факел! С трудом сдерживая раздражение, вызванное столь редкостной безмозглостью, я доложил Дамблдору о результатах беседы и отправился к себе, предоставив директору самому разбираться с этими тупицами.

До утра еще оставалось часа три, а мне все же предстояла дуэль.

Встретив Ковалевски, я приветственно кивнул ей:

— Доброго вам утра, профессор!

— И вам того же! — она заговорщицки подмигнула мне, и мое ощущение общей для двоих тайны усилилось.

Так, начнем с простого: проходя мимо, я брызнул одурманивающим зельем на ее платье. И отвлекся на разговор с Вероникой.

Выходя из Большого зала, Ковалевски пошатнулась в дверях: зелье начинало действовать. Она осторожно, по стенке, отошла к окну и выудила из кармана небольшую бутылочку. Отхлебнула из нее и, закрыв глаза, прислонилась к оконной раме. Я еще немного понаблюдал за ней: минуты через две-три она открыла глаза, а потом отстранилась от окна и быстрым шагом поспешила на занятия. Ладно, я на это зелье не очень-то и рассчитывал, у меня еще кое-что припасено!

Жаль, мои любимые составы использовать было нельзя — противоядия готовились на слезах феникса, а они у меня как раз закончились. Тьфу ты, куда пропал Фоукс? Быстродействующие яды тоже отпадали — не успеет среагировать ни она, ни я.

За обедом я пришел чуть раньше остальных и капнул в ее бокал зелье на основе тиса — тоже неплохой состав, если разобраться.

Но за ужином Ковалевски появилась без малейших признаков отравления. Что она использует? Какие-то универсальные противоядия?

— Как ваши дела, профессор? — глаза у нее были веселые.

— Идут, — сообщил я ей.

У меня еще день и две ночи до поединка, еще много чего можно успеть!

Я вышел во двор и, найдя окна своей соперницы, наложил чары на шторы — в случае успеха с утра я нашел бы Ковалевски спеленатой в коконе из собственных занавесок. А вернувшись в замок и немного поразмыслив, добавил в ее кабинет пару воспламеняющихся книг и заколдовал учительский стол. Встать из-за него теперь будет не так-то просто. А большую часть освобождающих чар она не решится использовать в аудитории, наполненной учениками! Да и на книжки отвлечется... И пошел пить кофе к Веронике — эти вечерние встречи уже превратились в неизменную традицию.

С утра Ковалевски выглядела свежей и веселой. Это уже задевало мое самолюбие!

— Доброе утро, профессор. Как спалось?

— Спасибо, чудесная ночь. Только вот луна светила так ярко, что пришлось задернуть шторы!

Так, ладно... Вы, мадам, еще в своем кабинете не были!

И на перемене я, как мальчишка, пошел посмотреть на результаты. Видеть противницу нужды не было: вполне достаточно послушать, что говорят студенты, выходящие с ее урока.

— А видели, как Ковалевски стол схватил? Я так испугалась!..

— Да чего тут пугаться, возится она со всякой черной магией, вот и ей самой досталось!..

— А огонь? Как у нас в коридоре, только поменьше!..

— Вот это еще вопрос, отчего у нас был пожар!..

— Да ладно вам, она же огонь потушила. И со столом как-то договорилась...

Слушать дальше смысла не было — и так все ясно.

На следующей перемене я восстанавливал порядок на полке со студенческими зельями. Стоило мне вернуть колбы и флаконы на свои места, как полка вместе со всем своим содержимым оторвалась от стены и — Ш-Ш-ШУХ!!! — со всего маху рухнула вниз в облаке разноцветных осколков и брызг в нескольких дюймах от моей головы. Похоже, мадам Ковалевски наносила мне ответный визит — в мое отсутствие. Придумано хорошо — но мимо!

Ну что ж, придется переходить к средствам посильнее. И, заодно, самому быть повнимательнее. Кстати, вот тот погром, который я с утра обнаружил в своем кабинете, — дело рук Дрюзга, понятно. А сам ли он додумался? Или ему кто помог — да заодно и дверь открыл?

Несколько капель старой доброй Aqua Tofana¹ за обедом — ждем результат! Определить симптомы отравления трудно, особенно если не знать, что за яд использовался. Пришлось применить модификацию — Тофане некуда было спешить, а у меня всего сутки на то, чтобы действие яда проявилось.

За ужином Ковалевски мало ест и много пьет — может, она и не замечает признаков, а вот я ясно их вижу. Жду до утра — ей должно стать уже отчетливо хуже — и прихожу с противоядием!

Поздним вечером я возвращался в свою комнату от Вероники. Дверь снова открывалась с проблемами. Да что с ней такое? Только ступив на собственный порог, я услышал какое-то ворчание. Дверь резко захлопнулась за моей спиной — понятно, зачарована...

— Lumos! — лучше бы я этого не говорил.

Потому что теперь я увидел, кто ворчал, а *она* увидело меня.

Я похолодел. Картинки многолетней давности пронесли у меня в голове: коридор на третьем этаже, Квирелл-Лорд, выпущенный горный тролль... Вот тогда-то я и познакомился с этой тварью.

А теперь она сидит посреди моей комнаты и смотрит на меня всеми шестью глазами! С интересом смотрит, чтоб ее...

— Stupefy! — тварь поднимается на лапы, за моей спиной что-то падает. — Stupefy! — заклинание не работает!

Волна страха все-таки прорывается на поверхность сознания. Собака выжидающе переминается, приоткрыв две из трех пасть. Рычание третьей становится угрожающим.

— Petrificus Totalus! — палочка живет совершенно самостоятельной жизнью, вместо нужного заклинания она зажигает камин...

Что я могу сделать? Тварь ведь просто сожрет меня! Ее терпение явно на исходе, слюна капает с отвисших складчатых губ, а глаза наливаются яростью...

¹ Aqua Tofana — *лат.* Вода Тофаны, медленнодействующий яд на основе мышьяка и трав, практически не имеющий вкуса, цвета и запаха.

В тот раз, семь лет назад, она была привязана, дверь нормально открывалась и закрывалась, а у меня в руках была работающая палочка! Тогда она меня серьезно цапнула. Что она сделает со мной в этот раз?

Я собираюсь с силами, сейчас должно получиться, должно:

— *Avada Kedavra!* — с жалобным звоном рассыпается осколками оконное стекло, а я обессиленно опускаюсь на пол. Это же надо, я пережил двадцать лет общения с Вольдемортом, с Упивающимися, меня не тронули аворы, и с моим существованием смирился даже Хмури, а тут — всего-навсего собака. Хаффльпаффец на моем месте бы расплакался, но я обошелся прикушенной губой.

Собака почему-то медлит, а у меня уже нет ни сил, ни возможностей противостоять ей. Как там сказала вечером Ковалевски? «Спокойной ночи, профессор»? Так вот что она имела в виду. Самонадеянный идиот! Решил поиграть в составчики-растворчики и возомнил, что выиграю.

Тварь медленно, растягивая удовольствие, подходит ко мне. Я безнадежно швырнул в нее попавшей под руку тяжелой книгой — зверюга злобно зарычала и ускорила шаг. Три пасти зависли в паре футов от меня — и я отодвинулся от их зловония. Ее шаг вперед — мое отползание назад, шаг вперед — отползание назад...

Я бросил бесполезную палочку и нашарил рукой каминную кочергу — проку мало, но хоть что-то... Ее шаг — мое отползание. Она загоняет меня в угол, в угол, из которого я вряд ли выберусь...

Коснувшись спиной стены, я покрепче сжимаю кочергу. Тварь делает еще шаг — и останавливается!.. Я сжимаюсь в своем углу и жду, что она будет делать.

Собака недовольно рычит и скребет лапой пол на расстоянии вытянутой руки от меня — но дальше не двигается. Я взмахиваю рукой, привлекая ее внимание — она вскидывается, но ближе не подходит. Странно...

А это что еще? На полу между мной и собакой прочерчена красная линия. Проверим: я цепляю переднюю лапу кочергой — зверюга подпрыгивает, но линию не пересекает. Оглядываюсь по сторонам: линия замыкается в круг, оставляя за своими пределами углы комнаты. Значит, пока я сижу здесь, она меня не съест. А с утра придет Ковалевски и выпустит меня...

Мерлин, Ковалевски выпустит меня! Я буду всю ночь жаться по углам и ждать прихода польской деревенщины!

А одна ли она появится? Монстр-то Хагридов, как бы она и последнего с собой не прихватила... Будь проклят тот день, когда я согласился на дурацкую дуэль!

Кстати, а ведь должны были появиться аворы — непростительное проклятие в замке!.. Почему их нет? Вот уж не знаю, радоваться этому или огорчаться.... Наверное, потому что проклятие не сработало? Или что-то с системой оповещения?..

Собака легла у самой линии и прикрыла глаза, я выждал минут десять и пошевелился — она тут же вскочила и зарычала.

Если бы я мог добраться до ее пасти и влить снотворное! Но флакон с ним — на полке в другом конце комнаты, а добраться до пасти несложно — достаточно протянуть руку за линию, и тварь с радостью полакомится ею...

Холодный февральский ветер дул в разбитое окно, шелестя страницами раскрытой книги на столе, и шторы хлопали, как крылья большой уставшей птицы, тщетно пытающейся взлететь. Пламя вздрагивало в камине. Ночь приближалась к своей середине, и через два-три часа темнота начнет бледнеть и станет серыми предрассветными сумерками. Старая моцартовская колыбельная некстати всплыла в голове:

*Спи, моя радость, усни,
В доме погасли огни...*

Что-то изменилось, и я оглянулся на зверюгу: положив голову на лапы, она довольно урчала. Нравится, как я пою? Я осторожно продолжил:

*...Дверь ни одна не скрипит,
Мышка за печкою спит...*

Дальше слова я не помню, остается мурлыкать одну мелодию... Я смотрю на собаку: она спит! Осторожно шевелюсь — она не двигается! Замолкаю — ну, дорогая, твои глаза и пасти я уже видел, ничего интересного! Попробуем с начала:

Спи, моя радость, усни...

Я встаю и осторожно, по стенке, пробираюсь к полке с зельями, не переставая мурлыкать снотворный мотив. Что тут у меня из сильных зелий? Ага, вот это пойдет... Так, собачка, как тебя? Шарик, Тузик? Так, вот у тебя и пасть раскрыта, только проглоти... Проглотила? Ну вот, минут через десять можно будет наконец-то перестать распевать детские песни!

Есть! Уф-ф, можно вздохнуть с облегчением: зверюга спит — без чего она там спит? — без задних лап! Но осторожность не помешает: я сооружаю веревочный намордник на все ее три пасти, связываю лапы — и спать! Чует мое сердце, без поединка не обойтись...

Глава 5, в которой используется темная магия.

Война — хорошее дело, если броня ее отсвечивает надеждой.

Н. Макиавелли

Утром я проверил, хорошо ли связана собака, подлил зелья в один из ее ртов — и отправился смотреть на Ковалевски.

— Доброе утро, профессор Снейп! Как ночь?

— Ничего, только ко мне забрела ваша болонка — немного мешала... Можете ее забрать.

— Надеюсь, вы ее не поили? *Водичкой?* — распознала-таки AquaTofana!

— Нет, мадам Ковалевски, я ее даже не кормил! — собой, имеется в виду.

— В полдень за домиком Хагрида?

— Как скажете, профессор.

Около полудня я попрощался с Вероникой, приобняв и поцеловав ее, и пошел к домику лесника. Встретил свою противницу, и мы отправились в лес на поиски подходящего места. Ночное происшествие чуть подостыло в моей памяти, и я вынужден был признать, что идея красивая.

— Как вы справились с Пушком?

— Так его не Тузиком зовут? Спел ему колыбельную. А вы с тофановским напитком?

— Противоядия на молоке — великая вещь против мышьяка!

Кто бы рассказал мне, что можно идти на дуэль чуть ли не под руку с соперником и мило болтать с ним при этом?! Уж точно не поверил бы!

Ковалевски старалась держаться уверенно, но я заметил ее напряженную спину и непроизвольно подрагивающие уголки губ — волнуется, а может — боится. Мне ее стало почему-то жалко:

— Вы уверены, что хотите продолжать?

— *Alea jacta est*¹, профессор, — и мы вышли на окруженную плотным кольцом деревьев поляну.

— Вы не против, я закрою пространство от внешних воздействий? Что-то не нравится мне в последнее время магия в замке...

— А я после этого смогу задействовать хоть одно заклинание? Или как с собачкой?

— Можете проверить все, что вам угодно, заранее! — она изумленно посмотрела на меня, и я понял: жульничать ей гордость не позволит.

Тем лучше.

Опять ее круговые взмахи руками, движения ее кулонов и снятые туфли — оригинальничать моя соперница не стала. А я упрямо проверил пару заклинаний на пролетающих птицах — все работало.

— В позицию?

Она встала напротив меня и не по-женски кивнула головой, обозначая поклон. Я ответил тем же и поднял палочку:

— *Expelliarmus!*

Реакция у нее оказалась неплохая:

— *Protego!*

Я еле успел увернуться от собственного заклинания.

— *Stupefy!*

Она отпрыгнула в сторону и ответила тем же; ну, уклоняться от оглушителей много ума не надо! Попробуем иначе:

— *Silencio!*

Кажется, попал. Она молча сделала замысловатое движение руками. Не буду выяснять на себе, что она там собиралась сотворить:

— *Protego!*

¹ *Alea jacta est* — *лат.* жребий брошен.

Взмах скрещенных рук с зажатым в одной из них кулоном и быстрое «фините» одними губами. А вот так?

— Serpencorcia!

Огненное кольцо — это, конечно, хорошо, так змея к ней не подобрется, ладно, придется самому убирать, нечего ей вокруг меня ползать.

Я бросил режущее заклятие, воспламеняющее... Суть дела я, в общем-то, уже понял. Мы по очереди перепробуем имеющиеся в запасе заклинания и благополучно их отразим. В голове настойчиво крутилась одна мысль, но я не давал ей оформиться более четко: я ведь знаю, что можно сделать, знаю... Уже формально швырнул «петрификус» и сразу отскочил в сторону — не хватало попасть под отраженное заклинание.

— Ну что же вы? Мы ведь не в квиддич играем, чтобы мячики туда-сюда перекидывать! Impedimenta!

Ах, не в квиддич?! Я увернулся и так и не успел додумать мысль, вместо этого я ее реализовал. Это старая уловка, и ей практически невозможно противостоять:

— Imperio! Брось палочку!

Она замерла и постаралась сжать палочку покрепче.

Я и не рассчитывал, что она ее бросит, но пока она борется с моим приказом...

— Crucio!

Говорят, что для пыточного проклятия необходимо наслаждаться болью жертвы. Сказки для новичков и снобизм «знатоков». На самом деле, имея определенный навык, можно обойтись и без этого. Для воздействия средней силы вполне хватает удовлетворения от того, что заклятие работает... Не думал, что мне придется это вспоминать...

Ковалевски громко вскрикнула и упала. Она явно старалась молчать, но не могла сдержать стоны, а наполненные слезами глаза смотрели на меня — с чем смотрели? С упреком? Обидой? Мольбой? Пожалуй, со всем сразу. Я снял проклятие и лениво сказал:

— Вы проиграли, профессор.

— Так нечестно! — она была готова выплеснуть изрядно возмущения. — Вы использовали непростительные проклятия!..

— Ну, во-первых, кто сказал, что будет честно? Я — бывший Упивающийся, знаете ли... А во-вторых — никаких необратимых последствий я не вызвал, — я развернулся и пошел в сторону замка.

Это для нее нет серьезных последствий: поохает немного и успокоится, а я поднял со дна памяти все годы рядом с Лордом...

— Было очень больно, профессор.

Я обернулся и посмотрел на женщину, все еще сидящую на заснеженной траве. Что-то в ее лице заставило меня вернуться и протянуть ей руку, помогая встать. Что-то похожее на тот раз, когда я показал ей Метку на Вероникином семинаре.

— Я знаю. И поверьте: это было не более чем среднее пыточное проклятие.

Почему-то у меня появилось ощущение, что она поняла, откуда я знаю о силе «круцио». Она молча смотрела мне в глаза и все еще не отпускала мою руку.

— Часто? — спросила она.

— Достаточно, чтобы не забыть, — еще бы, забыть недовольство подозрительного Лорда...

Больше мы так ничего и не сказали друг другу по дороге в замок. В холле она снова посмотрела мне в глаза — и мы молча разошлись по своим комнатам.

Одной общей тайной стало больше.

Разговаривать с кем-либо мне сегодня не хотелось, и я ушел к себе, сказав Веронике что-то про срочную работу. Остальные профессора уже давно привыкли к отшельничеству, находящему на меня временами. Хорошо, что утром я попросил Филча привести в порядок разгромленную комнату — сейчас о ночных событиях напоминали только кое-где сохранившиеся обрывки красной линии. Но, вероятно, незамкнутая она не работала. О дневных же — тяжесть и усталость, остающиеся только после применения непростительных проклятий.

Это надо было забыть, прогнать из памяти вместе со взглядом заплаканных глаз моей коллеги. Я ушел в работу над циклом статей и рьяно взялся за критику исследований все той же Ковалевски: составление перечня ошибок и неточностей в ее работах — хороший способ не думать о ней, как о недавней жертве моих проклятий... Вот здесь она упоминает мяту и мелиссу как взаимозаменяемые компоненты — это неверно, отличия есть... А в этом зелье

использование ландыша весьма сомнительно... А это что за состав — Яриново зелье? Список из двадцати компонентов, пропорции, процесс приготовления — попробовать сварить из интереса, что ли?

И жизнь потекла прежним чередом. Я по вечерам пил кофе с Вероникой, Хагрид, говорят, — чай с Ковалевски, а Дамблдор пытался развлечь лимонными дольками переживающую потерю Фоукса МакГонагалл. Март вступал в силу, пасмурный и влажный, с редкими проблесками яркого солнца и мокрым, тяжелым снегом. Студенты с подачи профессора по защите от темных сил разжигали костры на границе Черного леса, и все чаще над кострами слышались песни-веснянки.

Для меня же весна так и оставалась нелюбимым временем года. Работать под шум просыпающейся природы было труднее, а наши отношения с Вероникой как-то завязли в ноздреватом снегу и раскисшей грязи и не двигались с места.

...Вероника ворвалась ко мне в кабинет прямо посреди урока:

— Северус! — она дула на покрасневшие пальцы. — Что это происходит?

— Что происходит? Не знаю, профессор Стоун, пока что вы врываетесь ко мне на урок... — студенты оживились и перестали обращать внимание на котлы и их содержимое, поэтому пришлось их одернуть: — К концу занятия зелье должно быть готово, минус двадцать баллов за отсутствие и десять — за испорченное!

Интерес учеников к Стоун мгновенно остыл.

— Так что вы хотели так срочно узнать?

— Я обожгла руку, разжигая камин!

— Это бывает, особенно если пользоваться теми методами, которые вы преподаете. Но это не ко мне, а к мадам Помфри, — мое терпение было на исходе: конечно, наши отношения предполагали некоторую душевную близость... но даже Дамблдор не додумывался прерывать мои занятия по пустякам!

— Да нет же! Я думаю, это какие-то чары! — она оглянулась и понизила голос.

Я тоже перешел на таинственный шепот:

— А я думаю, что в больничном крыле есть отличная мазь против ожогов, я сам готовил, — все ж таки урок никто не отменял, и ученики ждут!

Вероника обиженно поджала губы и ушла, а я все равно не смог найти никакого разумного объяснения ее травме, кроме неловкости профессора.

Погода потихоньку налаживалась, и уже возобновились квиддичные тренировки и уроки летного мастерства. Иногда, когда выдавалось время, я выходил посмотреть на своих. Мне нравилось, как летает Авис — ее стиль еще не сложился, но чувствовала она себя в воздухе уверенно, и я думал о том, чтобы поговорить со своей командой: на втором курсе девочку стоило попробовать в запасные. Как раз к тому времени станет понятно, кто из нее выйдет — охотник или ловец.

В этот раз Алиса привычно обхватила метлу руками и ногами, поднялась в воздух, сделала круг над квиддичным полем — и резко ушла вниз, не справившись с управлением. Мы с мадам Хуч одновременно бросились к девочке, пытаясь замедлить ее падение, но она уже коснулась земли, разбив в кровь лицо. Положение ее рук говорило о неминуемых переломах. Я пошел за мадам Помфри, а мадам Хуч, прервав занятие, успокаивала испуганных учеников. Быстро обменявшись взглядами, мы пришли к выводу, что полеты сейчас лучше прекратить, а школьные метлы проверить.

Когда Авис пришла в себя в палате, переломы были уже залечены, а повреждения на лице обработаны заживляющим составом.

— Профессор Снейп?..

— Да, мисс Авис, как вы себя чувствуете? Вы можете рассказать, что случилось?

Я все время вспоминал ее лицо первого сентября — лицо первой слизеринской студентки, определенной на факультет после падения Вольдеморта. Тогда оно было испуганным и осторожным, она не удивилась распределению — чаще всего мои студенты знают, куда попадут по семейной традиции. Но она боялась отверженного факультета, боялась той невидимой грани, за которой оказались — нет, уже давно были! — наши подземелья. Потом она изменилась, ее самыми яркими чертами оказались любопытство и желание проверить все самой. А сейчас в темных птичьих глазах снова прятались смущение и страх:

— Я не знаю, как это вышло, профессор. Я ничего не делала, просто метла вдруг стала как живая... — и, подумав, добавила в свое оправдание: — Я нечаянно...

— Хорошо, хорошо, Алиса, я попытаюсь разобраться, в чем дело. Поправляйтесь, я жду вас у себя на уроке!

Ее слова ничего не прояснили, только еще больше запутали. Оставалось ждать результатов осмотра метел. И...

Я стал наблюдать за Ковалевски, тем более, что это было легко: она тоже проводила много времени в библиотеке. Читала, главным образом литературу по непростительным проклятиям. Встретив профессора с очередным фолиантом, я посмотрел ей в глаза — пожалуй, мне хотелось снова увидеть тот взгляд, которым она смотрела на меня после дуэли, — но вслух спросил:

— Что вы хотите после драки, мадам Ковалевски?

— Обставить вас в следующей, — но глаза говорили о чем-то совсем другом.

О чем? Это было похоже на понимание... Не знаю, чего.

— Не хотите мне помочь... На практике? — глаза оставались серьезными.

Я так и подавился. Только подумал о понимании... Она рехнулась, или просто до меня что-то не дошло?

— Вы в своем уме?

— А что, освежите навыки...

Ну, и что тут ответишь? Что навыки у меня и так неплохие? Ага, в непростительных проклятиях! Или что еще сказать?

— Вы решили бросить вашу ворожбу и перейти на наши простенькие заклинания?

— Хотите пари? Вы еще воспользуетесь этой моей «ворожбой» — спорим? — теперь она снова смотрела на меня с весельем.

— На что спорим?

— Ну... — она задумалась. — А, знаю! Если вы проигрываете, то используете мои зелья, не спрашивая, что из этого выйдет. А если проспору я — буду целый семестр посещать ваши уроки. С тем курсом, с которым скажете. Идет? — она протянула мне ладонь.

— Идет, — ответил я, и мы ударили по рукам.

Мне тоже стало весело.

И, как я ни старался, мне никак не удавалось застать мою коллегу за чем-либо подозрительным. Чтение книг из закрытого фонда у нас, кажется, не считается таковым?

Но вскоре делать вид, что ничего не происходит, стало уже невозможно. События бешено завертелись, начиная с происшествия с гриффиндорской квиддичной командой.

Глава 6, из которой совершенно непонятно, кто пытался убить профессора Флитвика.

И лампа не горит,
И врут календари...
А. Васильев

В субботу ко мне подбежала бледная и взволнованная МакГонагалл: — Северус! Я знаю, с вашей студенткой был несчастный случай во время полета на метле? Вы проверяли метлы? Что-то нашли? — она сыпала вопросами с такой скоростью, что я не успевал их запомнить. — Вы узнали причину? У вас есть какие-то предположения?

Понятно, что Минерва не стала бы поднимать панику из-за одной студентки, не справившейся с метлой.

— Что произошло?

— Моя команда, — она задыхалась от волнения. — На тренировке сразу три метлы потеряли управление! Хорошо, ребята опытные, почти не пострадали... Что же это творится?!

— Не знаю. Профессор Флитвик по моей просьбе проверил школьные метлы, но ничего не обнаружил... Я не знаю, Минерва...

Следом подошла мадам Хуч, и мне пришлось повторить сказанное еще раз.

Я мысленно перебрал все изменения в составе профессоров и методике преподавания, произошедшие в школе за последний год, — что могло вызвать такие последствия? Шут его знает, ничего особенного не происходило...

Вечером все преподаватели собрались в кабинете директора.

— Коллеги, я собрал вас для того, чтобы обсудить сложившееся положение. Меньше чем за неделю в школе травмированы четыре человека...

— Я думаю, до выяснения причин все полеты нужно запретить, — высказал я наконец витавшее в воздухе предложение.

— Но Северус, квиддичный сезон только начался! Тогда придется отменять игры! — в один голос воскликнули МакГонагалл и Хуч.

— Зато будет кому играть в следующем году, — мрачно ответил я, и решение было принято единогласно.

— Коллеги, я попрошу вас быть осторожными в использовании сильных заклинаний, особенно на уроках. Пока мы еще не поняли, с чем имеем дело, — развел руками Дамблдор.

— Ну почему же не поняли? — отозвалась Стоун. — Дело пахнет использованием темной магии, кто специализируется в этой области? — она в упор посмотрела на Ковалевски.

Вероника явно нервничала, возможно — боялась неизвестно откуда взявшихся неприятностей.

— Что вы имеете в виду? Я, к примеру, вполне в состоянии проклясть пару метел. И, да простит меня профессор Дамблдор, он тоже, — я взглянул на директора, но он понял меня правильно.

— Я совсем не это хотела сказать, — Вероника справилась с собой и немного успокоилась. — Просто, раз у нас есть специалист по защите, ему и карты в руки...

— Мне показалось, — вмешался Флитвик, — что здесь задействована необычная магия. Я еще не совсем разобрался, что это такое, но, думаю, мне удастся...

Совещание на том закончилось, а я подкараулил Ковалевски у дверей:

— Профессор, я хотел бы прояснить некоторые моменты...

— Вы тоже считаете меня причиной неприятностей?

— Видите ли, у нас в Хогвартсе есть такая многолетняя традиция: все беды начинаются с преподавателя защиты от темных сил. И так уж случалось, что почти всегда я первым замечал странности таких профессоров. Мне очень хотелось бы, чтобы вы оказались исключением — не люблю однообразия...

— Если вы собираетесь меня в чем-то подозревать — вам к профессору Стоун, она как раз ищет единомышленников! — Ковалевски резко развернулась, задев меня взметнувшимся подолом платья, и ушла.

Усмехнувшись, я последовал ее совету — пошел к Веронике.

А в понедельник ... Третий урок только начинался, когда в класс вбежала Уизли и, не успев я открыть рот, затараторила:

— Профессор Снейп, вас срочно вызывает профессор Дамблдор! Он ждет вас в кабинете профессора Флитвика! Профессор Флитвик...

Постоянно повторяющееся «профессор» делало ее речь путаной, но главное я уловил: Дамблдор ждет у Флитвика. Я повернулся, чтобы дать задание студентам, но она тихо добавила:

— Профессор Дамблдор сказал магию без крайней необходимости не использовать...

Велев повторять материал, я пошел за Уизли. Она пыталась, но не могла забыть, в чьих рядах я был когда-то, а потому старалась держаться дальше от меня. Никакие заслуги не могли затмить в ее глазах тот факт, что я — бывший соратник убийц ее братьев.

В кабинете Флитвика собрались почти все профессора. В центре всеобщего внимания был хозяин кабинета, лежащий на полу. Около него хлопотала мадам Помфри. Вокруг были разбросаны книги, опрокинутые стулья, а массивный стол профессора был перевернут. В другом конце аудитории жалась группа семикурсников-гриффиндорцев. С ними-то и разговаривал Дамблдор.

— Мы повторяли старые темы... Профессор решил напомнить нам одно из наших первых заклинаний — *Wingardium Leviosa*...

— Он хотел левитировать перо, но оно не поднималось... Профессор еще удивился и повторил заклинание... — изумление в голосе Криви можно было понять: Флитвик не справился с левитацией!

— ...И тут его стол зашевелился... Встал на две ножки... И пошел на профессора... — студенты передернулись, вероятно, прогоняя стоящую перед глазами картину.

— Стол бы его задавил, но книги, на которых профессор стоял, рассыпались, и профессор отлетел в сторону...

— Поппи?.. — обернулся Дамблдор.

— Без сознания, — ответила она. — Надо бы ко мне, состояние тяжелое...

Хагрид бережно взял маленького профессора на руки и затопал в больничное крыло вслед за мадам Помфри. Ковалевски пришла позже остальных и стояла у дверей, недовольно качая головой. Встретив мой взгляд, она повернулась и почти поспешила прочь. Вероника прижалась ко мне, не обращая внимание на столпившихся студентов:

— Мне страшно...

Я слегка встряхнул ее за плечи:

— Не стоит при детях, они и так напуганы...

До вечера всем ученикам было запрещено использование какой бы то ни было магии, а профессора с осторожностью проверяли, как действуют различные чары. Никакой логики в смене заклинаний мы не нашли. Разве что более сильные заклинания грозили более серьезными разрушительными последствиями. Призывное заклинание то било посуду, то зажигало свет, то отбрасывало предмет вместо того, чтобы приблизить его. А заклинания трансфигурации переломали изрядно мебели и чуть не оглушили Спраут. Выяснилось и еще одно: почти безупречно работала магия домашних эльфов — голодная смерть обитателям замка не грозила.

За ужином Дамблдор объявил, что использование магии в замке временно запрещено. Пожалуй, тяжелее всех эту новость восприняли мои: дети из древних чистокровных родов понятия не имели, как это можно не колдовать совсем хотя бы полдня. На других факультетах полукровки и магглорожденные стали пользоваться большим авторитетом: они знали, как жить в таких условиях.

МакГонагалл, закусив губу, все же держалась. В глазах Спраут сквозил страх и тоска по пострадавшему коллеге. Фиренз, по своему обыкновению, не появлялся нигде, кроме учебной аудитории. Говорили, что он только все повторял что-то про Луну в доме Плутона — и как это Дамблдор доверил ему преподавание? Ковалевски я видел мельком, она прихватила со стола пару бутербродов и ушла, утянув за собой Хагрида. А Веронику я нашел сидящей у холодного камина и допытывающейся у Уизли, как разжигают огонь без магии. Нашла у кого спрашивать! В доме Уизли, говорят, со второго этажа на первый аппарюют, а не по лестнице спускаются!

Занятия на следующий день продолжались, но почти все профессора перешли на повторение теории: какая, скажите, к примеру, трансфигурация без применения магии? Флитвика пришлось заменять самому Дамблдору. Впрочем, он, как и многие другие, просто сидел и смотрел

на погруженных в чтение учеников, отвечая на изредка раздающиеся вопросы по поводу прочитанного.

Я же решил поучить со студентами зелья, приготовленные без помощи магии. Мои статьи были уже близки к завершению, и это оказалось очень удачным в сложившейся ситуации.

Замок казался нежилым зданием, в которое совершенно случайно забрело так много людей. Вот сейчас они поймут, что ошиблись дорогой, — и уйдут...

Впрочем, разговоры о том, чтобы пока распустить учеников по домам, возникали все чаще и все настойчивее.

Вероника совсем потерялась. Жить в маггловском мире оказалось куда сложнее, чем рассказывать о нем. Она печально смотрела на пустые кофейные чашки, на камин, который так и не научилась разжигать, на зачарованные безделушки... Вдруг выяснилось, что даже теплая вода из крана без колдовства не течет, и роскошные волосы мадам Стоун на глазах теряли свою красоту. Она напомнила мне Артура Уизли, столь же беспомощно глядящего на штепселя и батарейки при всей его любви к этим маггловским предметам.

Во второй половине дня студентов-старшекурсников отпустили в Хогсмид, но практически никто этому не радовался. Равенкловцы толпой стояли возле дверей в больничное крыло, накидываясь с вопросами на всех выходящих оттуда профессоров. Да и студенты с других факультетов время от времени забегали узнать о состоянии своего преподавателя. Маленького доброго профессора любили в школе.

Наибольшие проблемы возникли у мадам Помфри: бесчувственный Флитвик нуждался во врачебном вмешательстве, а она могла использовать только остатки ранее приготовленных зелий. Я зашел предложить ей то, что еще сохранилось у меня:

— Как он, мадам Помфри?

— Плохо, а использовать чары я не могу... Придется отправлять в госпиталь...

Вечером Хагрид с профессором на руках шел в Хогсмид — пользоваться каминной сетью во взбунтовавшемся Хогвартсе никто не решался. Их сопровождали многие профессора — волнение за коллегу все усиливалось.

Вся группа вернулась грустная и притихшая.

Атмосфера всеобщего раздражения и беспокойства нарастала. Даже Филч чувствовал себя не в своей тарелке: не владея магией сам, он все же привык пользоваться ее результатами, в чьих бы руках не оказывалась палочка.

Идя по коридору мимо кабинета маггловедения, я заметил Стоун с большой стопкой книг в руках. Вокруг столпились третьекурсники.

— Северус! Я просто не в состоянии принести все необходимые мне книги за раз. Сходите в библиотеку и принесите остальные!

Какая-то пружина сорвалась и распрямилась внутри. Сдерживая рвущуюся наружу злость, я дошел до библиотеки, принес стопку бестолковой макулатуры и, почти швырнув ее на стол, отозвал Стоун в сторону:

— Мадам, запомните раз и навсегда: последнее, что вы можете сделать в разговоре со мной — что-либо приказать. На этом разговор заканчивается.

— Северус, я... — она захлопала глазами, изображая беспомощность и испуг, но на этот раз ее поведение не произвело должного эффекта.

— Я бы на вашем месте сказал «спасибо» за то, что рассказываю это не при учениках, мадам.

Уходя, я слышал тихий всхлип в сторону моей спины, в котором угадывалось «спасибо». Я не отношу себя к любителям громко хлопнуть дверью и «уйти навсегда». Увольте от этих театральных красотостей. Просто я считаю, что в некоторых случаях злость служит добрую службу: люди надолго запоминают, чего им не стоит делать впредь.

Глава 7, в которой упоминается Ремус Люпин.

Pro domo sua pugnativimus¹.

Среда отличалась от вторника лишь большим унынием, большим раздражением и большим ощущением беспросветности. За окном стоял солнечный апрельский день, уже наполненный громким чириканьем, медовым запахом и бело-розовыми лепестками, которые порой обрывал с цветущих веток теплеющий ветер. Но казалось, что солнце не в силах проникнуть сквозь оконные стекла и кованые решетки замка. Стаи сов слетались к окнам директорского кабинета: родители учеников желали знать, что происходит и, как правило, как скоро они смогут забрать домой свое чадо. К деканам совы летели стайками поменьше, но и нам доставалось сполна родительского беспокойства, раздражения и гнева.

В свободное от уроков время я бесцельно бродил по коридорам и, необыкновенно часто встречая своих коллег, догадывался, что они заняты тем же. Вероника избегала подходить близко ко мне, пытаясь издали угадать мое настроение, и я был благодарен ей за это — меня раздражало все и вся, и лишние разговоры были бы как нельзя некстати.

Заглянув в больничное крыло, чтобы узнать, не получала ли мадам Помфри новостей о Флитвике, я брел в сторону библиотеки, надеясь поискать в книгах описание похожих ситуаций. Оставшиеся на свободе сторонники Лорда? Да нет, это, вроде, не было похоже на их методы... Разве что они придумали что-то совершенно новое, неизвестное мне? Поворачивая за угол, я услышал непривычно для этих дней оживленные голоса:

— ...Точно! Я, вероятно, столкнулась с ним! Я почувствовала!

— Тогда надо кому-нибудь рассказать!

— А кому? Профессору Снейпу?

— При чем тут профессор Снейп? Надо рассказать мадам Ковалевски!

Передо мной стояли, что-то бурно обсуждая, мои Авис и Найф.

— Что же это надо рассказать профессору Ковалевски и не надо рассказывать мне?

— Ой, профессор... — девочка испуганно отпрянула, но Том удержал ее за руку.

— Мы знаем, почему магия работает неправильно... Догадываемся... — мальчик начал уверенно, но к концу фразы в его голосе послышалось легкое сомнение.

— Вот как? И почему же?

— Вы не знаете, нам профессор Ковалевски объясняла... — Алиса была готова отстаивать свою точку зрения.

— Вы сами у нее спросите, — придумал выход Том. — Профессор лучше нас расскажет. А то, — он замаялся, — а то мы еще не повторяли этот материал...

Добиться от них чего-то более внятного было трудно. Авис утащила друга дальше по коридору.

И, пока я раздумывал, стоит ли мне требовать объяснений от польской ведьмы, ко мне подошла Стоун:

— Северус, не обижайтесь! Я по делу.

Я повернулся к ней — ее лицо тоже было оживленным, всем своим видом она говорила — «Я знаю, что нужно делать!».

— Северус, я знаю, это дело рук Ковалевски. Нужно заставить ее все рассказать! У вас наверняка есть зелье истины, нужно ее допросить!

Мое желание «вытрясти» из профессора по защите от темных сил все, что она знает, и немного больше испарялось, как нагретый эфир.

— Мадам, я знаю одного человека в школе, который может попросить меня использовать зелье истины. Его зовут Альбус Дамблдор, и он делает это не чаще чем раз в несколько лет. Счастливо оставаться, мадам!

Похоже, между нами таки пробежала миссис Норрис.

¹ Pro domo sua pugnativimus — за свой дом боремся (лат.).

Вечером мы снова собрались в кабинете директора. Хагрид как-то мялся в углу, МакГонагалл тоскливо посматривала на насест Фоукса, и все время от времени бросали грустный взгляд на пустующее место, где обычно сидел Флитвик, — и тут же отводили.

— Думаю, я разобралась, в чем дело, — взяла слово Ковалевски. — Ситуация сложная, но я надеюсь, что мне удастся исправить ее хотя бы частично. Моя квалификация позволяет мне на это рассчитывать.

— Профессор, что же это у вас за квалификация такая, что она позволит вам справиться с тем, с чем не совладал весь преподавательский состав старейшей магической школы? — устало спросил я.

— Весь преподавательский состав старейшей магической школы, — она выделила мои слова, — разумеется, справится. Но не раньше, чем освоит несколько десятков старых магических обрядов. Думаю, лет пяти на это хватит...

— Коллеги! — вмешался в перепалку Дамблдор. — Профессор Ковалевски предложила мне свое объяснение происходящего. Я склонен поддержать ее точку зрения, хотя многое остается для меня неясным. Но, полагаю, сейчас не время углубляться в детали прошлого, необходимо справиться с трудностями в настоящем, — он вопросительно посмотрел на профессора защиты от темных сил.

— Вкратце, суть дела, по моему мнению, состоит в том, что была задействована магия очень древняя и сильная. Каким образом это случилось, я не представляю, но, возможно, мне удастся восстановить магию замка, — она оглядела присутствующих, ища поддержки. — Но мне нужна будет помощь...

Я напрягся: конечно, среди присутствующих хватало сильных магов, но по возрасту и полу я был, кажется, самой вероятной кандидатурой в «помощники». Мне предстояло трясти побрякушками на веревочках под началом деревенской колдуньи? Но она смотрела в другую сторону:

— Хагрид, вы можете мне?

Я было вскинул голову, но тут же понял, что оскорбляться следовало не мне: как-никак, а первым в списке могущественных магов здесь был Дамблдор.

— Профессор, вы уверены?.. — похоже, Минерва думала о том же. — Именно Хагрид?

— Хагрид — очень сильный колдун, — совершенно серьезно ответила Ковалевски, и, уловив недоумение в глазах присутствующих (начиная с самого Хагрида), добавила: — Только один профессор Хогвартса сильнее, но он уже не работает здесь. Я слышала, что несколько лет назад мою должность занимал Ремус Люпин.

Для того, чтобы узнать, что у меня на лице, мне достаточно было посмотреть на лица моих коллег — не хуже, чем зеркало.

— Рем? — первой справилась с внезапной немотой Минерва. — Почему?

— Потому что он — оборотень, — как нечто само собой разумеющееся ответила Ковалевски.

Профессора вздрогнули: говорить о том, что Люпин — оборотень, было принято еще меньше, чем о том, что я — бывший Упивающийся. Дамблдор же сидел с таким видом, словно знал все это заранее. Хотя, может, действительно знал... Постепенно голос вернулся и к Хагриду:

— Да, конечно, мадам... Я ж всегда помогу, только я не пойму — почему я?

— Потому что вы живете на границе леса, Рубеус.

— Что-то еще нужно, Анна? — я впервые услышал, как кто-то называет ее по имени.

— Ночь хорошего сна, профессор Дамблдор, — устало сказала она и обернулась к леснику: — Вы тоже постарайтесь, я зайду за вами на рассвете.

Не такая уж и длинная весенняя ночь прошла для меня в размышлениях о словах Ковалевски и действиях директора. К утру я пришел к выводу, что интуиции Дамблдора стоит доверять: он часто ошибается, но редко эти ошибки приводят к катастрофам.

За завтраком не было ни преподавателя защиты от темных сил, ни преподавателя ухода за магическими существами. Напряженная тишина и тревожная атмосфера ожидания казались осязаемыми. И ученики, и профессора мало ели и часто тайком переглядывались. Стены замка словно бы стали войлочными, а потому обычный шум был приглушен до шепота.

Также тихо ученики заполняли класс, и, поддаваясь общему настроению, также тихо я давал им указания по приготовлению зелий. Сунув руку в карман и бесцельно перебирая пальцами палочку, я почувствовал какое-то изменение. А потому на перемене вернулся к себе и по очереди перепробовал:

— Lumos! Nox! Accio! — и пошел к Дамблдору.

У дверей директорского кабинета стояла МакГонагалл. Мы обменялись взглядами и вошли.

— Альбус, кажется, заклинания работают нормально. Что с Хагридом и профессором Ковалевски?

— Не знаю, я почувствовал изменения только сейчас, думаю, они скоро должны вернуться, если... если с ними все в порядке.

Еще через урок Минерва сама спустилась ко мне:

— Северус, оставшиеся занятия сегодня отменяются. Директор ждет всех преподавателей в больничном крыле.

Мадам Помфри, по обыкновению недовольная большим количеством людей в своих владениях, все же не могла скрыть радости от того, что медицинские заклинания снова в ее распоряжении. Она хлопотала у постели, на которой вздрагивала Ковалевски. Понять, что случилось с профессором, было трудно: на лице сменялось одно выражение за другим безо всякой связи с предыдущим. Кожа ее была бледной, как бумага, и даже временами появляющаяся улыбка или злость не добавляли ей красок.

— ...Так я ж чего? Я делал, что профессор говорила... — рассказывал Хагрид. — Она все что-то колдовала, мудрено так, похоже, как детишкам показывает, только шибко серьезно... А потом круг начертила, сказала мне ждать, а если с ней что случится — забрать ее и в замок отнести... Что уж профессор там в кругу делала — я не понял, а потом смотрю — неладно с ней, вот так, как здесь, лежит... Я ее забрал, круг стер, как она сказала, — и принес ее сюда... — Хагрид горестно вздохнул и посмотрел на директора.

— Спасибо, Хагрид. У нас тут все пришло в норму. А профессором Ковалевски займется Поппи.

Мне было достаточно одного взгляда, чтобы догадаться: мадам Помфри понятия не имеет, что случилось с профессором. Она чуть заметно неосознанно пожимала плечами и качала головой. Что у нас есть? Ковалевски с Хагридом ушли в лес, что они там делали — неизвестно, потом Хагрид вернул ее в замок в совершенно невразумительном состоянии, а наша магия снова стала работать... Дал бы Мерлин понять, что это значит!

Были и хорошие новости: к выходным Флитвик окончательно оправился от произошедшего и вернулся в школу. А потому на этом совещании у директора пустовало только место преподавателя защиты от темных сил.

— ...Я успел понять только, что сила заклинания почти не изменяется. Я удивился, что у меня не вышло простейшее заклинание — и вложил во вторую попытку побольше сил... Думаю, поэтому и получил такой мощный результат, — рассказывал маленький профессор. — Я и у тех метел то же заметил: как будто магия сохраняется, но начинает действовать непредсказуемо. Мы с мадам Ковалевски говорили об этом, она считает, что был нарушен привычный порядок, а потому вторгся Хаос.

— Три дня эта Ковалевски без сознания — и три дня все нормально... задумчиво пробормотала Вероника.

— *Post hoc non ergo propter hoc*², — заметил я. — И зачем бы ей тогда бродить по лесу с риском оказаться в том состоянии, в котором она сейчас?

— Понятия не имею... А что, есть другие предположения?

Других предположений не было.

Меня отозвал Дамблдор:

— Северус, Поппи никак не может подобрать зелье для Ковалевски. Помогите ей, она расскажет, что нужно.

Как выяснилось, мадам Помфри искала успокоительное, чтобы остановить непрекращающуюся смену эмоций бесчувственного профессора. Весь стандартный арсенал она уже перепробовала без какого-либо видимого эффекта. Я отнес в больничное крыло то, что было у меня из редких успокоительных — но наутро колдомедик неутешительно покачала головой. И на следующий день — тоже.

Ученики разъехались на пасхальные каникулы, школа почти опустела. Профессор Стоун тоже уехала за чем-то в Лондон. Я бродил в окрестностях замка, пытаюсь найти решение задачи с зельем для Ковалевски — и вскоре пришел к выводу, что мне не хватает ее условий. Мадам Помфри говорила сбивчиво:

² *Post hoc non ergo propter hoc* — «после» не значит «вследствие» (лат.).

— Я толком не пойму, что это. Ее лицо меняется так быстро, что трудно уследить за ним. Знаете, словно душа заблудилась, мечется и не может найти путь обратно... — она все еще говорила, но я уже не слушал.

«Душа заблудилась и мечется» — это были такие знакомые слова! Я извинился перед Помфри и бросился к своим конспектам. Так и есть: «...словно душа заблудилась, мечется и не может остановиться...», — показания к использованию Яринова зелья. Я вспомнил, что приготовил этот состав, но так и не изучил толком его свойства. Впрочем, ничего опасного в нем быть не должно. Переписав на этикетку флакона рекомендуемую в статье дозировку, я отнес его в больничное крыло.

Снова оставалось только ждать. Не только исследовательское любопытство заставляло меня волноваться — мне было жаль Ковалевски. В ней была какая-то деревенская открытость и наивность... Не такая яростная, как у Минервы, и не такая мудрая и всепонимающая, как у Дамблдора... Похоже, она верила людям — мне было трудно представить себе, что это возможно в возрасте старше лет двенадцати.

Прошло несколько дней, и я снова бродил вдоль Черного леса, уже покрытого трогательной зеленой дымкой молодых листьев. Всевозможное курлыканье, чириканье, трели и крики наполняли кроны деревьев, а над гушевыми мазками первых цветов пробовали крылья бабочки. Яриново зелье остановило череду сменяющихся эмоций — и теперь профессор замерла, уйдя в глубокую неподвижность сна. Я думал о том, что делать дальше — моей надежде не на что было опереться: я не знал, с чем борюсь и на чьей стороне преимущество. Но во всеобщее чириканье вплеталось что-то знакомое, что позволяло утверждать: *contra spem spero*³. Я прислушался и осторожно, стараясь не спугнуть видение, обернулся на звук. Золотисто-малиновое оперение мелькнуло над лесом и скрылось за ним.

³ *Contra spem spero* — без надежды надеюсь (лат.).

Глава 8, в которой миссис Норрис чудом остается жива.

...глаза их полны заката,
сердца их полны рассвета.
И. Бродский

Уя счел видение добрым знаком: не так уж часто мне мерещится что-либо хорошее. Хотя кошмары обычно тоже не мерещатся — ко мне они приходят наяву...

— Профессор Снейп, видали? — я обернулся на голос и чуть не столкнулся с довольно улыбающимся Хагридом. — Кажись, еще красивее стал!

— Кто?

— Так Фоукс же!..

Я снова посмотрел туда, где видел ярко переливающуюся вспышку, но в вечеряющем небе мелькали только темные очертания стрижей и дроздов.

— Улетел он уже, отсюда не увидишь...

— Куда улетел?!

— Да ведь, гнездо у него на том краю леса, самочку нашел, все такое... Скоро уж птенцы на крыло встанут — тогда и вернется... То-то директор рад будет, соскучился поди... Да и профессора МакГонагалл жалко — переживаете шибко...

— Хагрид, и давно вы знаете?

— Ну, так, мадам Ковалевски сразу поняла, в чем дело-то, у ней свои приметы есть, она нам с профессором Дамблдором и сказала. А другим велела не говорить: фениксы — птицы осторожные, если кто гнездо потревожит — не сложится у них...

И пока я ошарашенно переваривал новость — оплаканный Орденом феникс, оказывается, всего-навсего затеял брачные игры! — Хагрид вдруг посерьезнел:

— Поговорить мне надо с вами, профессор, только не здесь. Вы уж не обижайтесь, пойдете ко мне. Важно это, я бы иначе не стал...

Домик Хагрида удивительным образом сочетал в себе уют и беспорядок. Большая собака бросилась встречать нас, а я огляделся по сторонам, вспомнив о Пушкине — но его в комнате не было. Хозяин захлопотал, выставляя на стол чайник, блюдо чего-то бесформенного, более всего похожего на кексы, и пару чашек, отличающихся друг от друга по объему в несколько раз.

— Чашки-то еще от ребят остались...

Быстро сообразив, чью чашку, скорее всего, держу в руках, я достал палочку и прошептал простенькое стерилизующее заклинание — так хоть смогу из нее пить! А Хагрид, печально шмыгнув носом (вспоминал Уизли?), разлил чай, посмотрел на меня и сказал:

— Мадам Помфри говорит, что вы ей с мадам Ковалевски помогаете. Это хорошо, профессор так и думала, что, случись какая неприятность, вы ее лечить будете. Уж не знаю, с чего она это взяла, я ей говорил, что всех мадам Помфри лечит, ну да она уперлась... Сказала, что, коли худо будет, чтоб я вам вот это отдал, — он протянул мне увесистый запечатанный конверт. — А больше сказала никому и не показывать. Говорит, вы сами разберетесь, что к чему, если прочтете... Вы уж ее вылечите, профессор! Хорошая она, добрая...

— Хагрид, — спросил я, — а почему она про Люпина вспомнила?

— Да, сказала, что он оттого сильный, что в Лес уходит и обратно возвращается. В общем, я не все уразумел, только сдается мне, что она не тот лес, что за окошком, имела в виду, а другое что...

Вернувшись к себе и распечатав конверт, я вытряхнул из него исписанную английским и польским текстом вперемешку тетрадку и отдельный листок, похожий на письмо.

Профессор Снейп!

Я пишу это письмо на случай, если наше с Хагридом мероприятие окажется не слишком удачным для меня. Я знаю, что со мной может случиться, а потому попытаюсь рассказать Вам, как вернуть меня в нормальное состояние.

Не знаю, понимаете ли Вы суть происходящего в замке: есть порядок, в котором живем мы, он кажется нам единственно возможным — это порядок

Дома, Космос. Но есть и иной порядок, непривычный, чудовищный и неправильный для нас — это порядок Леса, или Хаос. Между Домом и Лесом, Космосом и Хаосом всегда существует разделяющая их грань, она не дает Хаосу вторгнуться и разрушить привычную нам жизнь. Самые сильные колдуны могут пройти по этой грани, а то и пересечь ее и суметь вернуться обратно. Они могут быть посредниками между Домом и Лесом. Вот почему я вспомнила о Ремусе Люпине. Хагрид тоже умеет ходить по этой грани, поэтому я и прошу его о помощи. Что-то нарушило этот порядок в Хогвартсе, и мы увидели Хаос. Сегодня двое студентов рассказали мне о том, что встретились с чем-то, что «наводило ужас, и его нельзя было понять» — думаю, они встретили кого-то из обитателей Леса. Завтра мы с Хагридом постараемся восстановить разделяющую грань. Мне придется ступить во владения Леса, и я боюсь, что по возвращении Хаос останется в моей душе.

Вероятно, Вы увидели меня беспокойной и мечущейся, с отражением Хаоса на лице. Скорее всего, вы уже догадались использовать Яриново зелье. Ярина — моя пра-прабабка, в те времена люди чаще оказывались на грани и за ней, потому умели забирать у Леса тех, кто не сумел вернуться сам. В результате действия зелья я перестану бесцельно плутать по Лесу. Но вывести меня к Дому зелье не может — я прошу об этом Вас.

Прорвитесь сквозь стену Леса ко мне — и я скорее всего смогу найти дорогу к Вам. Я оставляю Вам свои заметки, над которыми работала в последнее время. Думаю, они помогут. Просмотрев, Вы поймете, почему я не могла оставить их никому другому.

А. Ковалевски

Начинался семестр, и Дамблдор обратился ко мне с вполне ожидаемой просьбой: вести защиту от темных сил до тех пор, пока Ковалевски не сможет вернуться к преподаванию. Студенты встретили это известие с тем же недовольством, что и когда-то ученики Люпина.

— А когда вернется профессор Ковалевски?..

— А как же мы подготовимся к экзамену без нее?..

— А скоро мадам Ковалевски поправится?..

Я устал слушать их скулеж:

— Откройте учебники и повторяйте. На следующем уроке — контрольная работа по материалу осеннего семестра! — я ясно почувствовал еще одну причину хотеть скорейшего выздоровления профессора.

Еще одну? Ну да, первая — мое самолюбие, разумеется.

Вероника привезла из Лондона великолепный кофе. Где уж она нашла этот сорт — не знаю, но пить его по вечерам было одно удовольствие. Напряжение в замке спало, и наши отношения вернулись в прежнюю колею. Вероника обиженно поджала губки, узнав, что защиту от темных сил в отсутствие Ковалевски веду я: маггловедение — не слишком престижная дисциплина, и ей явно хотелось показать, что она способна на большее. Но решение директора было логичным со всех точек зрения: что это за занятия, если за год сменяется третий профессор?

— И вообще, откуда взялась эта проклятая ведьма? Говорят, она даже нигде не училась! — никак не успокаивалась Вероника.

Похоже, должность преподавателя защиты от темных сил привлекала ее никак не меньше, чем когда-то меня.

— Я спрашивал у директора. Говорит, что был знаком с ее бабкой еще во время войны с Гриндевалдом — тогда многие колдуны объединялись... А тут решил, что ведьма из того же рода не хуже, — я попытался успокоить расстроенную собеседницу. — У них там традиционно принято уделять больше внимания защите от разных природных сил... А Дамблдор думает, что теперь это важнее, чем борьба со сторонниками Вольдеморта...

Но она еще долго хранила обиду на Дамблдора. А я толком не знал, чем ее успокоить: всего несколько лет назад я также обижался на него.

Временами я видел МакГонагалл в больничном крыле: она приходила, смотрела долгим взглядом на Ковалевски, вопросительным — на Помфри и молча уходила. Ее спина оставалась слишком прямой, чтобы это казалось естественным.

Понять записи Ковалевски оказалось не так-то просто: куски английского текста выглядели несвязанными между собой обрывками, а для того, чтобы строить предположения о польских фрагментах, пришлось пересматривать опубликованные работы. Картинка никак не хотела собираться в единое целое, то одно, то другое ускользало из рук. А сама профессор лежала в палате, похожая на персонаж слышанной мной в далеком детстве сказки — сказки о спящей принцессе.

— Северус, а почему в статьях Ковалевски так много о непростительных заклятиях? И о ритуалах темной магии? Может, ее состояние как-то связано с этим? Вы не проверяли?

— Вероника, разумеется, в статьях Ковалевски много о темной магии — она же специалист по защите, — о предполагаемых мною почти наверняка причинах интереса к непростительным проклятиям я ей не сказал.

Женщина не должна понимать душу, она должна хорошо варить кофе. Иначе — разве это женщина?

Под утро мне снился сон. Черно-белый, разорванный, наполненный серым туманом и эхом голосов. Черные плащи, белые маски, но все чаще — открытые лица: незнакомый мне мужчина под «круцио»... ничего не понимающая, слепо повинующаяся приказам женщина... заплаканный ребенок лет десяти, чем-то похожий на Авис, пятящийся от палочки... Лорд, в гневе бросающий заклинание... мое лицо, как со стороны, упивающееся чужой болью... мое лицо, полное собственной боли... широко раскрытые серые глаза стонущей на снегу женщины...

И тяжесть, безысходность. Наваливающаяся, придавливающая, поглощающая и непроглядная.

Женщина на снегу закрыла глаза, а я снова взмахнул палочкой.

— Очень больно, профессор... — и в серых глазах отразился зеленоватый оттенок замшелой скалы.

Теплая пастель коснулась серых сумерек и, отвоевывая штрих за штрихом, постепенно приносила жизнь в законное небо. А я наконец понял, что видел во взгляде Ковалевски на давно прекратившем свое существование Вероникином семинаре. Вряд ли оно было мое по праву.

В палате я провел пальцем по неподвижной руке профессора — она никак не отреагировала. И подумал, что жизнь отличается от сказки: в ней принцы не будят ушедших в забытье принцесс поцелуем. Да и где взять на всех любящих принцев?

«Прорвитесь сквозь стену Леса ко мне — и я скорее всего смогу найти дорогу к Вам.»

Я пересмотрел записи Ковалевски — картинка наконец сложилась, как стеклышки в калейдоскопе. Если я не могу пробиться через Хаос в ее душе, значит, нужно что-то, что затронет еще более древние пласты. Что может быть древнее боли?

Не нужно большого умения, чтобы приготовить смертельный яд, но искусство — использовать его как лекарство. Вечерами я уходил на опушку леса и учился вновь пользоваться тем, что вот уже много лет пытался забыть. Стараясь не думать об искаженных лицах моих прошлых жертв, не слышать отзвуки голосов моих соратников по Тьме, падая и тщетно пытаясь удержать палочку в сведенной судорогой руке, я учился тонко чувствовать боль накладываемого мной пыточного проклятия. Учился прясть нить этой боли и ощущать на конце палочки ее натяжение, учился не прерывать ее ни при каких обстоятельствах.

Взмах — шепот латинского слова — и я стараюсь почувствовать хотя бы удовлетворение от собственного вскрика. Нить рвется... снова и снова... а я, откинув с лица мокрые от пота и слез волосы, вновь поднимаю руку с палочкой — и вновь падаю в теплую и сочную весеннюю траву.

Пожалуй, труднее было бы пробовать на себе только «империо». Но раз за разом я все отчетливее ощущал протянутую нить, и все увереннее держал в ладони золотой клубок Ариадны.

Измотанный, обессиленный, я брел на уже горящие желтым светом окна замка и, встречая Веронику, уже решительно не мог придумать правдоподобную причину для отказа от кофе — и отметал приглашение безо всяких пояснений. Она хмурилась и жалобно смотрела на меня, но я был уже просто не в силах разговаривать.

— Профессор Снейп, зайдете? — у кромки леса стоял Хагрид. — Чайку-то вам не помешает! Глядишь, и легче станет... — голос был добрым и заботливым, чуть смущенным и нерешительным, как всегда, когда он обращался к преподавателям.

— Зайду, — устало согласился я.

Хагрид оценивающе посмотрел на меня в свете стоящей на столе лампы, налил чай и сел рядом:

— Да, профессор говорила, что вам нелегко будет, — он покачал головой. — Уж я не знаю, что за трудность, только она говорила, что вы справитесь...

Хагрид замолчал, прихлебывая из огромной кружки, а мне было странно и непривычно просто спокойно сидеть и пить чай, ни о чем не споря и ничего не отстаивая. Этим вечером я вернулся в замок после третьей или четвертой чашки и полуночи.

Наконец поймав меня в середине дня, Вероника довольно подробно и необычайно громко рассказала, что именно она думает обо всех преподавателях Хогвартса вместе взятых и обо мне в частности. Будущая миссис Снейп перед моими глазами задрожала и подернулась рябью. В голосе женщины слышались слезы, а глаза смотрели с обидой.

Но буквально через несколько минут после ухода Вероники в коридоре раздался ее крик:

— Ах ты!.. Помогите!..

Стоун сломя голову бежала к лестнице. За ней с трудом поспевал Филч. На ступеньках, выгнув спину и прижав уши, стояла миссис Норрис. Громадная собака с лаем бежала на нее. «Кажется, Хагридова», — промелькнуло у меня. Собака подлетела к филчевой любимице, та отшатнулась, и, потеряв равновесие, оперлась лапами о соседнюю ступеньку — последняя сдвинулась, и кошка повисла на одной лапе, прижатая возвращающейся на место доской. Собака в два прыжка оказалась рядом и нависла над миссис Норрис.

— Оставь ее немедленно! — третьей до лестницы добежала Вероника.

Она решительно преградила псу дорогу и потянулась к кошке. Миссис Норрис, жалобно мяукая, хватала воздух второй лапой, ее когти постепенно сползали со ступеньки. Вероника протянула руку и, в последний момент поймав кошку за передние лапы, вытащила животное. Подбежавший Филч, грозно ругаясь, гнал собаку на улицу, а собравшиеся на шум ученики помогали профессору встать. Руки Стоун были исцарапаны, а на правой, похоже, вывихнут палец — последствия столкновения с движущейся ступенькой.

— Ох, мадам, спасибо. Она ведь у меня такая смелая, никого не боится — вот и на Клыка побежала, когда он в замок зашел! — Филч снова расточал похвалы своей питомице.

Я подошел к Веронике:

— Сегодня вы — героиня дня. Вы позволите проводить вас к мадам Помфри?

Стоун фыркнула, как кошка, которую она прижимала к груди, а потом милостиво подала мне руку. А вечером мы пили восхитительный кофе. И было так похоже, что все еще наладится.

Глава 9, предполагающая арест, суд и Азкабан.

Пусть будут благоразумны те,
кто не способен ни на что лучшее!
В. Крачковский

— Профессор Снейп, скажите, а Темный Лорд правда умер?

Девочка смотрела на меня широко раскрытыми глазами и ждала ответа. Со дня гибели Вольдеморта прошел уже почти год.

— Да, мисс Авис. И, думаю, вы об этом давно знаете...

— А моя мама не верит, говорит, что он жив. И много плачет... — Алиса опустила голову и вздохнула. — Если он был плохой, то почему мама плачет? А если хороший — зачем мистер Поттер его убил?

Миссис Авис, по моим воспоминаниям, никогда не верила своим убеждениям — она просто знала, что они верны. Восхищение Лордом относилось как раз к таким основам ее мировоззрения.

— Мисс Авис, это серьезный вопрос. Темный Лорд не был добрым человеком, и он выступал против многих из тех, кого вы знаете. По его вине погибло много хороших людей. Но он искренне верил в свои идеалы и был справедлив своей странной и причудливой справедливостью — это нравилось его сторонникам. Думаю, ваша мать старалась видеть в нем лучшие стороны и не замечать или оправдывать все остальное.

— Мистер Поттер тоже убил, почему все говорят, что он хороший?

— Я расскажу вам древнюю легенду, мисс Авис, может, она ответит на ваш вопрос. Давным-давно, в те времена, когда драконы еще жили по соседству с людьми, у подножия горы приютилась деревня. Жители этой деревни не были счастливы: огромный злой дракон веками жил на горе и часто спускался в деревню, оставляя после себя разрушения и смерть. Иногда находился смельчак, который поднимался на гору, чтобы сразиться с драконом и убить его, но ни один не возвращался обратно, и не прерывались полеты дракона над деревней. Как-то раз один человек решил победить дракона и отдать дань уважения своим предшественникам. Утром, взяв меч, он шел вверх, но не встречал ни оброненных мечей, ни упавших шлемов, ни останков героев — только черепами и истлевшими крыльями драконов был усеян его путь. Когда человек встретил дракона, в глазах чудовища он увидел печаль и усталость. «Я знаю, зачем ты пришел, — ты убьешь меня. Я тебя ждал», — сказал дракон. «Разве ты умеешь говорить? И где все мои предшественники?» — удивился человек. «Их кости перед тобой», — и человек понял, что за дракона он видит. «Ты стал драконом, убив того, кто был до тебя? Как тебе живется?» — спросил человек. «Я устал, — ответил дракон. — Я делаю то, за что ненавижу дракона. И я ненавижу себя за это. Я жаждал отомстить дракону — но убил человека в самом себе. Я ждал тебя, и мне жаль тебя, следующий». Человек вынул меч и протянул его дракону: «Как тебя зовут? Мне жаль тебя. Я могу сделать для тебя только одно — хочешь ли ты этого?». «Я боюсь этого, — ответил дракон. — Но это единственное, что ты можешь сделать. Меня звали Том», — дракон взмахнул крыльями, открывая грудь навстречу лезвию. А человек, вонзив меч в сердце дракона, закрыл ему глаза и заплакал над мертвым. Вечером человек спустился в деревню, неся на руках тело Тома — такое же человеческое, как и свое собственное.

Притихшая и задумавшаяся, девочка посмотрела на меня и, молча кивнув в знак благодарности, ушла.

Солнце бросало по-утреннему яркие лучи в узкие окна больничного крыла, пробивалось сквозь шторы, отражалось от белых простыней и блестящих шкафчиков и играло зайчиками на потолке. Черты бумажно-бледного лица Ковалевски заострились, губы высохли и потрескались, сквозь кожу рук просвечивали голубоватые сосуды, а волосы были похожи на стебли осенней травы, смятой дождем. Забирать ее отсюда я не решался, делать что-либо в замке — тоже. Защита от темной магии была усилена в последние годы... Я вынул из кармана сикль и подкинул на ладони. Выпало — «здесь».

Медленно поднял палочку и одними губами произнес:

— *Crucio!* — тонкая нить тронула лежащую передо мной женщину.

Я усилил боль еще, еще — пока веки Ковалевски не дрогнули, и осторожно потянул. Чуть ослабляя, когда клубок сматывался легко... усиливая, когда нить была готова вот-вот порваться... время от времени обозначая вспышками путь... время от времени давая передышку, но не отпуская... Профессор пошевелилась, силясь то ли прорваться через преграду, то ли отогнать мешающую боль... потом замерла, неподвижная и безучастная... Я не отпускал, и нить, протянутая между нами, становилась все короче. Женщина заметалась. Я почувствовал ее тепло и тень ее боли.

— Больно!.. — серые с оттенком замшелой скалы глаза широко раскрылись, и Ковалевски расплакалась, уткнувшись лицом в подушку.

Я убрал палочку и, не зная толком, что сейчас нужно делать, положил руку на ее плечо — она разрыдалась еще сильнее, и я совсем растерялся. К счастью, плач услышала мадам Помфри.

— Пришла в себя, — ответил я на вопросительный взгляд колдомедика. — Похоже — нервный срыв, займитесь ею, мадам.

— Спасибо, профессор, — тихий шепот почти полностью заглушила подушка.

А я сидел в своей комнате, бесцельно вертя в руках палочку. Сквозь привычную тяжесть и усталость робко пробивалась настоящая искренняя радость: заклинание, навык, которые отзывались в моей памяти лишь горечью и отчаянием, сегодня сделали то, с чем не справилась вся целительная магия мадам Помфри. Я отчетливо вспомнил, что сейчас — начало мая, сочная зеленая трава полна ярких желтых одуванчиков, а с утра в окна заглядывает бесшабашно счастливое оранжевое солнце.

Примерно через час в дверь постучали: на пороге стояли незнакомые мне четверо, а за ними виднелась на сей раз каштановая прическа Нимфадоры Тонкс. Тонкс не любила каштановый, а потому цвет ее волос был плохим знаком.

— Мистер Снейп? Министерство получило сигнал об использовании заклинаний темной магии на территории Хогвартса около часа назад. Вашу палочку, — коротко стриженный светловолосый мужчина с властным лицом протянул руку, и я положил на ладонь свою палочку.

Блондин достал свою и соединил палочки, проверяя последнее заклинание. Конечно, я не колдовал с момента возвращения из больничного крыла... Глупо...

— *Priori incantatem!* — сказал авроп.

«*Alohomora*», — отозвалась палочка. Тьфу ты, дверь-то я открывал.

— Похоже, вы влипли, — сообщила мне Тонкс, пробившись поближе, пока остальные думали, что им теперь делать с этой «алохоморой». — И как это вас угораздило? — мы с Тонкс недолюбливали друг друга, но Орден объединял и более несовместимых людей.

— Много вас набежало, однако. Все меня ловить?

Тонкс обиженно поджала губы — ирония не казалась ей уместной.

— Вы — единственный преподаватель Хогвартса, знакомый с темной магией, — сказал наконец светловолосый. — Попрошу пройти в кабинет директора, — Тонкс беспомощно развела руками.

— Мистер Смит, я не очень понял суть ваших претензий, — голос Дамблдора был, как обычно, ровным. — Вы утверждаете, что мои преподаватели практикуют непростительные проклятия? А на ком? Ну, не мух же они ими бьют?

Я оперался подбородком на сплетенные пальцы, рукава мантии открывали руки по локоть, и серый, поблекший после падения Лорда Смертный Знак был отчетливо виден.

А что, вы не знали, что я — Упивающийся смертью? — Знали. Думали, я буду лепетать что-то про давно и случайно заблудшую овечку? — Не буду. И гневно кричать: «Я — герой Войны, да как вы смеете?!» — тоже не буду.

Восемнадцать лет назад, так же откинув ткань с предплечья, я сидел перед Дамблдором. Между нами был стол, больше ста лет разницы в возрасте и Знак Мрака.

— Я — Упивающийся смертью, профессор. И людей, побывавших под моей палочкой, я смогу точно подсчитать разве что под зельем истины.

— Чего ты хочешь этим добиться? — он смотрел все так же спокойно.

— Я хочу, чтобы вы знали — и не строили себе иллюзий о том, с кем разговариваете, — его поведение заставляло меня колебаться в своем желании противостоять всему и вся.

— Я знаю. Так что давай наконец поговорим.

Самое верное для меня различие между людьми — то, как они реагируют на Метку. Этот способ проверки меня еще ни разу не подводил. Мистер Смит проверки не выдержал:

— Вы... Вы — его сторонник, и даже не скрываете!

— Не считаю нужным. Свои и так примут, чужие — в любом случае не будут доверять. Смысл?

— Еще и года не прошло, а вы в открытую используете непростительные проклятия! — он заходился от ярости, изумления и злости. — Извольте объяснить, что вы делали в момент использования заклинания?

— Навещал коллегу в больничном крыле. Это запрещено?

Пятнадцатью минутами позже Ковалевски, тяжело облокотившись о спинку дивана, сидела в кабинете Дамблдора:

— Напомните-ка, что заставило вас поднять меня еле живую с постели?

— Мистер Снейп применял темную магию по отношению к вам?

— *Профессор* Снейп сидел рядом со мной почти все утро и, уж поверьте, даже не пытался использовать темную магию под носом у нашего колдомедика! Впрочем, — Ковалевски фыркнула, — можете не верить: я охотно дам показания под зельем истины.

В кабинете повисла тишина. До сих пор у всех присутствующих было вполне отчетливое представление о случившемся и о том, как мы с Дамблдором пытаемся скрыть правду... И тут я вспомнил: «А профессор Ковалевски говорит, что главное — не заклинания, а цель...» — сказал тоненький голосок Авис в моей голове. Смешно, но Ковалевски действительно могла отрицать использование мною темномагических заклинаний под зельем.

— Вы с ума сошли?! Мало того, что поднимаете только пришедшего в себя человека для всяких расспросов-допросов, так еще и собрались зелье истины применять?! Вы мне дадите гарантии, что профессор останется невредимой? — мадам Помфри ткнула пальцем в Смита.

Гарантий у того, разумеется, не было. Но был вопрос позакovskyристее:

— Мисс Ковалевски, госпожа Помфри утверждает, что застала вас в слезах после ухода мистера Снейпа. Что, если не пыточное проклятие, заставило вас так рыдать?

— Любовная размолвка, мистер Смит, — как нечто вполне обычное сказала Ковалевски. — Желаете ли вы знать все детали наших отношений?

Я от души поздравил себя с умением контролировать собственное выражение лица — оно пришлось как нельзя кстати. Аврор же открыл рот, схватил им воздух и снова закрыл. Похоже, знать «все детали» он не хотел.

— Погодите, — пришел на помощь начальнику его коллега, — в министерство поступил сигнал, и, если заклинание не использовал мистер Снейп, — то кто? — он оглядел присутствующих.

— Видите ли, у нас недавно были серьезные проблемы с магией замка, — вмешался Дамблдор. — Вероятно, нам удалось ликвидировать не все последствия... Хогвартс еще немного шалит... Это могут подтвердить не только преподаватели, но и ученики.

Тонкс удовлетворенно взглянула на директора и с напускным неодобрением — на меня. Неприязнь — неприязню, а Орден своих не отдает.

— Что у вас было с замком? — вышел из оцепенения Смит.

— Нарушен основополагающий порядок, — профессор защиты от темных сил почувствовала себя в своей стихии. — Думаю, был использован старинный магический обряд, применяемый ранее для разрушения вражеских городов. Я видела описание этого обряда в одной из книг хогвартсовской библиотеки, там, правда, не указано назначение обряда — старинные сборники заклинаний писались для посвященных; там сказано «как», но не «зачем». Обряд, конечно, сложный. И, главное, результат очень трудно оценить — проходит много времени, прежде чем разрушительное действие станет заметным...

Стеклышки калейдоскопа снова сложились в моем мозгу: теперь я знал, кто пробил брешь между Домом и Лесом.

— А магия эльфов? — оживилась Помфри.

— Домашние эльфы владеют очень древней и тесно связанной с Домом магией. Вмешаться в нее труднее, чем разрушить стены замка.

— Мистер Смит, если у вас больше нет вопросов, то я бы хотел иметь возможность спокойно работать дальше, — Дамблдор был вежлив, но тверд.

Ковалевски подмигнула мне и ушла, опираясь на руку мадам Помфри. Начальник авроров вытащил из кармана портключ и собрал коллег вокруг себя... А Дамблдор вопросительно посмотрел в мою сторону, но, ничего не добившись, махнул рукой и отправился на поиски своего заместителя. Кабинет опустел, только Шляпа сонно наблюдала за мной со шкафа.

— Ну что, видела Ковалевски? Что скажешь? — спросил я у нее.

— Видела, а не на голове была! — отозвалась Шляпа. — Шут ее знает, то ли хаффльпаффка, то ли гриффиндорка — не разберешь на расстоянии... О, — оживилась она, — помнишь, я тебе говорила, что ты и в Равенкло не пропадешь? Из вас выйдет чудесный комплект — Хогвартс в миниатюре! — Шляпа окончательно развеселилась.

— Молчала бы уж, гриффиндорова кепка! — я раздраженно хлопнул дверью.

Сон, приснившийся мне ночью, был странным. Сидя на траве рядом с домиком лесника, я рассказывал Авис легенду о драконе и смотрел на девочку: черная школьная мантия, черные волосы, черные глаза... Лицо у первокурсницы было теплого оттенка, а в руках она держала букет желтых одуванчиков.

Воскресное утро у меня свободно, и я пошел к Стоун.

Глава 10, в которой выясняется, без чего профессор Снейп не может жить.

И она не спросила, куда я ушел
И с чем я стучался к ней —
Она просто сказала: «Возьми с собой
Ключи от моих дверей».

Б. Гребенщиков

— Профессор Стоун, напомните мне, что за неработающие обряды вы безуспешно пробовали зимой? Чтобы разоблачить их как суеверия? Вы столь глупы, что используете незнакомую магию, не зная, к чему это приведет? И нужно обладать просто-таки редкостной тупостью, чтобы позже не сделать вывода, что все происшествия, в результате которых чуть не погиб Флитвик, пострадали четверо студентов и с которыми с трудом и риском для жизни справилась Ковалевски, — ваших рук дело! — я медленно пил кофе, сдерживая раздражение и досаду. — До такого не дойдут даже хаффльпаффские первокурсники! — о своей встрече с Пушком без магии я не стал упоминать, и без того происшествий хватило.

— Что вы себе позволяете?! Вы... Покажите руку!

— Какую руку? — в первый момент не понял я.

— Левую! Мне кое-что рассказали о вас авроры! А я еще защищала вас и говорила, что этого не может быть!

Мои ярость, раздражение и досада исчезли бесследно, сменившись ледяным спокойствием. Я медленно, аккуратно расправляя сладки, закатал рукав мантии.

— Вы хотели видеть Смертный Знак? Что ж, смотрите, это редкость, мало кто покажет его вам с такого расстояния. Или он нравится вам как украшение? Но его, знаете ли, больно ставить, — я пожал плечами и оперся левым локтем на край столика, держа в руке чашку.

— Вы думаете, что вам все позволено?! Как же, у вас ведь какие-то там заслуги, вы — герой войны, прославившийся непонятно чем! — Стоун с размаху опустила свою чашку на стол, и та рассыпалась на мелкие кусочки. — Что вы о себе возомнили?! Самодовольный, самовлюбленный убийца! Совершенно не понимаю, почему вас вчера не забрали в Азкабан!

Я машинально вынул палочку, не обращая внимания на в ужасе отшатнувшуюся женщину, произнес: «Repair!» — и вышел, аккуратно закрыв за собой дверь.

В Большом зале Флитвик горестно покачал головой, глядя, как Стоун старается отодвинуть свой стул как можно дальше от меня. Мне хотелось на ком-нибудь сорваться, и выходящая Ковалевски в этом своем очередном пестром платье была подходящей мишенью:

— Профессор, как дела с изучением красящих заклятий? Хоть что-то уже получается?

— А как же! — радостно отозвалась она, доставая палочку. — Сейчас покажу!

Она неожиданно махнула ею в мою сторону, перекрашивая мою мантию во что-то голубое в розовую клеточку.

— Ой, неплохо получилось, правда? — засмеялась профессор и обратным движением руки вернула мантии нормальный вид.

— Клеточки неровные, мало тренировались! — я почувствовал веселую злость.

— Кстати, а вы проиграли мне пари! Ведь пришлось-таки пользоваться моей ворожкой? — теперь она уже веселилась от души.

— Интересно, и чего же это ради я тут занимался самоистязанием? Не скажете? — мне было смешно и обидно одновременно.

— Думаю, вы знаете, — Ковалевски посмотрела совершенно серьезно. — Чтобы видеть цветные сны, — она ушла, оставив меня посреди коридора.

Но дурацкое пари... Этого нельзя было так оставлять. Я разыскал профессора защиты от темных сил во дворе замка:

— Мадам Ковалевски, что вы хотите от этого вашего пари?

— Выполнения вами условий, — она по-прежнему улыбалась. — Когда вам занести зелье?

— Так не пойдет. Одной вашей ворожкой не обошлось, пришлось пользоваться нашими простенькими проклятиями. Так что проиграли вы! — переспорить ее почему-то оказалось очень важным.

— Ох, — теперь ее лицо выражало искреннюю досаду, — ладно, будем считать, что проиграли оба. Чего вы хотите?

— Думаю, вы ходите на мои занятия остаток семестра и работаете наравне с учениками. Третий курс, Гриффиндор/Слизерин. Я смотрел, у вас в это время окно между уроками, — я знал, что предлагаю самую насмешливую и язвительную группу из имеющихся.

Но раз уж я не могу выиграть вчистую, то уж отравить даже и частичную победу своей противницы сумею! Она прикусила губу, что-то прикидывая про себя, и, явно с трудом преодолевая внутреннее сопротивление, кивнула.

В понедельник, войдя в класс на втором уроке, я обнаружил Ковалевски смиренно сидящей за последней партой, уставившись в дно котла, ее волосы были стянуты в хвостик тонкой красной ленточкой, а на плечи накинута простая черная мантия. Студенты с любопытством разглядывали ее и полушепотом строили предположения одно другого интереснее.

— Профессор Ковалевски хотела бы немного освежить свои знания в области зельеделия, а потому до конца семестра будет посещать мои занятия, — в эти слова мало кто поверил, но это уж не моя печаль. — Мадам Ковалевски, вы, надеюсь, помните, как обращаться с котлом и горелкой?

— Какой из пяти способов вы имеете в виду, профессор? — похоже, сдаваться она не собиралась: общепринятыми в зельеделии были только четыре.

— На ваше усмотрение. Итак, сегодня мы готовим противоядие для яда Локусты... — я указал ученикам на записанный на доске рецепт.

К концу урока Ковалевски поставила на мой стол не один, а три флакона с зельями. Даже на вид было понятно, что требуемого противоядия нет ни в одном из них. Ладно, потом посмотрю, что это такое.

...Хм, во всех трех флаконах оказалось вполне действенное противоядие — три разные модификации заданного мной состава.

На следующем уроке я получил четыре варианта обезболивающего, опять-таки отличные от данного мною рецепта; а через урок — пару разновидностей восстанавливающего память состава. Вариации на тему все продолжались.

Нет, я тоже люблю вносить изменения в зелья, чтобы полученные составы как можно точнее отвечали поставленной задаче. Но я уж никак не думал, что деревенская ведьма на моих уроках будет демонстрировать мне подобные умения!

— Мадам Ковалевски, у вас никак не получаются нужные зелья? Снял бы я с вас баллы, если б знал, к какому факультету вас отнести!

— Что-то не так, профессор? Я готова сама пробовать все приготовленные мною составы, чтобы не было сомнений в последствиях их применения...

Гриффиндорцы с уважением посмотрели на Ковалевски, а слизеринцы — с вопросом: «И что вы теперь будете делать?» — на меня. В глазах моей коллеги явно читалось, насколько трудно дается ей выполнение условий пари. Мне подумалось, что она не будет следовать моим указаниям ни при каких условиях и, если для какого-то действия не найдется альтернативного способа, — она его придумает, лишь бы не подчиняться мне. Что ж, это как раз понятно... Стал бы я размахивать побрякушками и прыгать босиком на ее уроках!.. Отказаться же от условий ей не позволит гордость.

— Как это вы ухитряетесь находить все новые модификации?

— Я думала, вы знаете, — она искренне удивилась, — в зельеделии важно творить, это искусство, — и добавила, погасив ложную надежду гриффиндорцев на то, что есть способ ничего не учить: — Основанное на точной науке, разумеется.

Она еще и издевается! Решила цитировать мое вступление к занятиям по зельеделию для первокурсников!

— Чего вы хотите добиться? — спросил я у нее на перемене. — Вы могли бы взять назад свое обещание. Я же вижу, вы держитесь из последних сил!

— Ну да, — не стала спорить профессор. — Но, во-первых, обещание я все-таки дала, а во-вторых — вы тоже должны выполнить мое условие.

Продолжалось это долго. Ковалевски изощрялась в том, чтобы выполнять мои указания только частично, и, поскольку я давал задания, допускавшие все меньшую вариативность, это

вызывало уважение. А у меня в комнате на полке стояла баночка с неизвестным мне зельем и притянутой к ней резинкой инструкцией. Испробовать его я никак не решался, а отказаться... Ну, у меня тоже гордость есть! И что со мной будет в результате применения этой зеленовато-белой густой жидкости? Знаю я эти женские зелья — добра не жди... Вероятно, действие должно быть заметно, потому что Ковалевски регулярно поглядывала на меня и досадливо качала головой. Рога она на мне собралась выращивать, что ли? У меня ведь все-таки занятия на всех семи курсах! Профессор Снейп, пострадавший от неизвестного зелья, — такое посмешище запомнится надолго... Пахла жидкость крапивой, розмарином, кислым молоком и еще какими-то травами — не припомню, чтобы я где-то встречал такой набор компонентов...

— Вы боитесь? — наконец спросила она у меня. — Что мне нужно сделать, чтобы убедить вас в отсутствии злых намерений?

И почему я не решался попробовать ее зелье? С какой только гадостью ведь в жизни не экспериментировал! Но вслух сказал:

— Вы не отважитесь на это. Я могу сварить для вас зелье преданности — когда-то я придумал его по приказу Темного Лорда. Им поили тех, кого Лорд подозревал в измене — в живых оставались только самые преданные, — я решил устроить ей еще одну проверку? Возможно.

Но в следующий раз она залпом выпила поданный мною стакан. Зелье имело признаки смеси пяти сильнодействующих ядов: двух смертельных и трех с прочими малоприятными последствиями. Я посмотрел в ее распахнутые глаза:

— Вы смелая.

— Нет, доверчивая, — она поставила стакан на край стола. — Сколько мне ждать последствий?

— Проявятся через полчаса, действие закончится к вечеру. Вы даже не спросите, что за последствия?

— Думаю, через полчаса увижу.

Ковалевски ушла готовиться к своим занятиям, а я разбил об пол стакан. Она снова смотрела с тем же выражением лица — понимание и доверие, которые я совершенно непонятно чем заслужил!

Использование ее зелья стало выглядеть совсем иначе: если раньше баночка напоминала мне о моем проигрыше, то теперь не выполнить инструкцию было бы все равно, что сдать без боя. Если уж Ковалевски, не моргнув глазом, выпила зелье преданности... Тут уж я не могу ей уступить!

— Мистер Криви! Что это у вас? Что вы клали в это варево? Рецепт ведь ясно написан на доске! Минус десять баллов!

— Но, профессор, говорят, что профессор Ковалевски вносит изменения в составы, и вы с этим не спорите... — младший Криви огорченно посмотрел на свой котел.

— Это потому, мистер Криви, что профессор Ковалевски хотя бы знает, что делает, а не пытается попасть пальцем в небо!

А, может, правда, давать студентам основы составления зелий? Курсе на шестом-седьмом? По крайней мере, их фантазии будут более осмысленными... Надо бы обсудить с Дамблдором.

Директор в кабинете был не один:

— Вероника, вам ведь нравится преподавание! Вы ладите со студентами.

— Я студентов не люблю! И общаюсь с ними только потому, что людей вообще я не люблю еще больше! А сейчас у меня есть предложение о работе куда более привлекательное, чем ваша обветшалая школа.

— Хорошо, — похоже, Дамблдор сдался, — вы уходите по окончании семестра. Минерва, узнайте, пожалуйста, чем занята мисс Грейнджер — думаю, маггловедение все же стоит отдавать магглорожденным... А, Северус, проходите, мы с профессором Стоун уже закончили разговор...

За обедом Ковалевски барабанила по столу серебряными ноготками. Ей не шло, золотистые были бы лучше... Зелье преданности когда-то было моей гордостью. Отдавая кубок в руки предполагаемого предателя, ему говорили, что оно смертельно для изменника. Это было правдой: тех, кто не решался выпить его или чья рука дрожала, Лорд убивал без раздумий. Тех же, кто роптал в ожидании действия зелья, ждало жестокое наказание. А горд я был тем, что, придав составу признаки пяти ядов, я сумел ограничить его реальное действие окрашиванием ногтей в серебристый цвет, да и то — всего на полдня. Но использование противоядий меняло цвет «маникюра» на золотой... Надо бы рассказать об этом Ковалевски... завтра.

Вечером я вылил половину содержимого баночки на кусок ткани, набросил ее на голову и приготовился ждать необходимые полчаса. А смыв остатки и высушив волосы, посмотрел в зеркало...

Идиот! И как я сразу не догадался, к чему была вся таинственность?! Я был зол на себя, и мне хотелось сказать что-то Ковалевски. Но пока я не придумал, что именно.

По ту сторону зеркала стоял человек с ровно блестящими черными волосами и почти нормальным цветом лица. Никогда не считал косметические зелья интересными...

— Так куда лучше! Что это ты сделал? — поинтересовалось зеркало.

— Знаешь, я нашел несколько новых заклинаний немоты. Думаю попробовать на тебе, — сообщил я, и оно недовольно замолчало.

— Вы напоминаете мне скорпиона: прежде, чем поцеловать самку, он кусает ее и отравляет своим ядом, — я тоже вспомнил это описание: скорпион делает так потому, что иначе самка сама его укусит. — Я не умею проигрывать, но все время побеждать скучно. Я перестаю уважать таких людей...

— Профессор Ковалевски, — как вечером не знал, что сказать, так и утром выходило не намного лучше. — Я хочу попросить у вас прощения за свое отношение к вам...

— Вы с ума сошли?! Что вы делаете?! Как будто вы не знаете, что не выживете и дня без своих язвительности и ехидства!

— Разумеется, — я мысленно ругнулся, признавая ее правоту. — Я просто хотел убедиться, что вы это понимаете, профессор.

Эпилог, в котором мадам Ковалевски покидает Хогвартс.

Близился июль, лето выплескивало все свои краски и звуки, все буйство и роскошь. Над Черным лесом осторожно поднимались над верхушками деревьев две молодые золотисто-малиновые птицы, а по ночам оглушительное стрекотание кузнечиков напитывало высокую траву. Камни замка долго оставались теплыми и после захода солнца, соблазняя немало парочек на вечерние разговоры под открытым небом. В окрестностях Хогсмида дети искали в траве темно-красные, напоенные солнцем капли земляники и весело распугивали стаи щеглов и зеленушек с созревающей черешни.

Анна уезжала в конце семестра вместе со студентами. Мы стояли около запряженных тестралами карет и молча смотрели друг на друга. Я протянул руку и коснулся ее предплечья, не скрываемого коротким рукавом платья, она прикрыла глаза на пару секунд. Запоминала?

У соседней кареты брата Криви, горестно восклицая, пытались напоследок запечатлеть профессора Стоун на как можно большем количестве снимков.

— Нам светит очередная проклятая должность! — вздыхал директор днем позже. — Минерва, вы связались с мисс Грейнджер? Когда мы получим ответ?

А в первый день августа я сидел в домике лесника, опасливо отодвигая блюдо с кексами.

— Профессор-то Ковалевски пишет? Хорошая она, да и про вас говорила, что вы тоже хороший, профессор...

Я отхлебнул еще глоток чая и снова взглянул на письмо:

Северус, я скучаю, вспоминая теплое прикосновение Вашей руки. Это было так давно — годы назад — кажется мне. Ни за что бы не подумала, что за месяц настолько соскучусь по Вашему ехидству. Жду сентября, чтобы снова встретиться и с тем, и с другим. Но осенью я буду осторожнее, и Вам не удастся снова заманить меня на свои уроки — хватит с Вас студентов, оттачивайте остроумие на них. Я же надеюсь пожинать плоды вечерами.

Передавайте от меня привет Рубеусу, Минерве и всем остальным, кто остался на лето в замке.

Ваша Анна.

P.S. Надеюсь, теперь дела с горячей водой обстоят лучше?

Оглавление

Пролог , в котором в Хогвартсе снова сменяется преподаватель защиты от темных сил.....	3
Глава 1 , в которой сердце неприступного профессора дрогнуло.....	6
Глава 2 , в которой только мадам Стоун замечает таинственное письмо профессору Снейпу.	9
Глава 3 , в которой профессор Снейп решает отравить мадам Ковалевски.....	14
Глава 4 , в которой профессор Снейп встречает старого знакомого.	18
Глава 5 , в которой используется темная магия.....	22
Глава 6 , из которой совершенно непонятно, кто пытался убить профессора Флитвика.....	26
Глава 7 , в которой упоминается Ремус Люпин.	29
Глава 8 , в которой миссис Норрис чудом остается жива.....	33
Глава 9 , предполагающая арест, суд и Азкабан.	37
Глава 10 , в которой выясняется, без чего профессор Снейп не может жить.	41
Эпилог , в котором мадам Ковалевски покидает Хогвартс.....	45